

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

ТАШКЕНТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ НИЗАМИ

Факультет: русского языка и литературы

Кафедра: «Русская литература и методика преподавания»

Учебный год: 2018-2019

Магистрант: Зиганшина Алина

Научный руководитель: профессор Миркурбанов Н.М.

Специальность: 5А 111301 «Русский язык и литература»

На правах рукописи

УДК: 882:371.3

ЗИГАНШИНА АЛИНА СЕРГЕЕВНА

АННОТАЦИЯ

**ИНТЕРТЕКСТ КАК ФОРМА ТВОРЧЕСКОГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ
КЛАССИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

«Интертекст как форма творческого переосмысления классики в
современной русской литературе»

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание степени магистра

Ключевые слова: интертекстуальность, цитата, аллюзия,

реминисценция, технология развития критического мышления через чтение и
письмо.

Специальность: 5А111301 – Родной язык и литература
(Русский язык и литература)

Объект исследования: романы «Андерграунд, или герой нашего
времени» В. Макакина, «Медведь и её детки» Л. Удальцова, произведения Б.

«Утверждаю»

Руководитель отдела магистратуры

«11» _____ 2019 г.

Нурманов А.Т.

Декан факультета русского языка и

литературы

Матенова Ю.У.

«Рекомендовано к защите»

Заведующий кафедрой русской
литературы и методики
преподавания

«11» _____ ст. преп. Корзун А.В.

Научный руководитель

«11» _____ проф. Миркурбанов Н.М.

«15» _____ 2019 г.

Ташкент – 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Интертекст и интертекстуальность как литературоведческая проблема	9
1.1. Становление понятий интертекст и интертекстуальность	9
1.2. Интертекстуальность как одна из наиболее дискуссионных проблем современной филологии	16
1.3. Интертекст как художественный прием	20
Выводы по первой главе	30
ГЛАВА 2. Интертекстуальный диалог в современной русской прозе как литературоведческая проблема	33
2.1. Интертекстуальные включения в романе В.С. Маканина «Андеграунд, или герой нашего времени»	33
2.2. Аллюзии и реминисценции в романе Л. Улицкой «Медея и её дети» .	44
2.3. Особенности интертекста в прозе Бориса Акунина	51
Выводы по второй главе	58
ГЛАВА 3. Методический аспект изучения современной литературы в высших образовательных учреждениях	60
3.1. Модель методической системы изучения современной литературы в ВОУ с применением технологии развития критического мышления через чтение и письмо	60
3.2. Проведение экспериментальной проверки проблемы исследования и результаты	71
Выводы по третьей главе	75
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	76
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	79
ГЛОССАРИЙ	
ПРИЛОЖЕНИЯ	

ВВЕДЕНИЕ

Одной из главных задач, стоящих перед высшими и средними специальными профессиональными учебными заведениями, является повышение не только качества образовательного процесса, но и степени мотивации к обучению. Как подчеркивает Президент Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёев, «наш народ воспитал великих мыслителей, внесших колоссальный вклад в развитие мировой цивилизации. Мы должны воспитать молодежь достойной наших великих предков, образованными и просвещенными личностями»¹. Всестороннее развитие гармоничной личности невозможно без изучения литературы, которая является неисчерпаемым источником знаний в области языка, истории, культуры.

Литература находится в тесной связи как с историей, так и с языком, поэтому важным представляется изучение как современного, так и классического литературного наследия. Именно благодаря изучению литературы в учебных заведениях у учащихся и студентов развиваются интеллектуальные и творческие способности, а также происходит духовно-нравственное становление личности. Данные цели обучения подчеркиваются и в Национальной программе по подготовке кадров Республики Узбекистан: «Главной целью и движущей силой реализуемых в республике преобразований является человек, его гармоничное развитие и благосостояние, создание условий и действенных механизмов реализации интересов личности, изменение изживших себя стереотипов мышления и социального поведения. Важным условием развития Узбекистана является формирование совершенной системы подготовки кадров на основе богатого наследия народа и общечеловеческих ценностей, достижений современной культуры, экономики, науки, техники и технологий»².

---

¹ Мирзиёев Ш.М. Вступление на встрече, посвященной 25-летию образования Республиканского интернационального культурного центра. [Электронный ресурс]. URL: <http://idum.uz/ru/archives/11417> (дата обращения: 05.10.2018).

² Национальная программа по подготовке кадров. – Т., 1997. – С.1.

В этой связи актуальным представляется более углубленное изучение всемирного литературного наследия, являющегося не только бесценным источником духовных, нравственных ценностей, но и основой, фундаментом для углубленного изучения всеобщей истории, культуры, а также родного и иностранных языков.

Произведения последних лет, независимо от национальной принадлежности автора, принято рассматривать как единый интертекст в связи с тем, что каждое новое творение, а также принципы подачи информации опираются на известные исторические и культурные знания, носителями которых являются предшествующие тексты. Кроме того, в современной теории литературы любой новый текст изучается и как часть бесконечного дискурса.

Знаменитый исследователь и теоретик русской литературы М.М. Бахтин ещё в XX веке подмечал, что каждое литературное произведение «есть единый мир науки, единая действительность познания, вне которой ничто не может стать познавательным значимым; эта действительность познания не завершена и всегда открыта»³. «Текст в тексте» – закономерная формула многих произведений современной художественной литературы: писатели ведут друг с другом нескончаемый диалог посредством своих текстов, включая в них цитаты, аллюзии, пародии (эти приемы можно объединить одним понятием – «интертекст») из произведений предшественников и современников. В связи с этим изучение литературных произведений рубежа XX-XXI веков с точки зрения интертекстуального подхода весьма актуально и именно это мы попытались доказать в настоящем диссертационном исследовании.

К концу XX – началу XXI века в литературе под влиянием постмодернистских тенденций появляется много инновационных

---

³ Бахтин М.М. Проблемы содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/bahtin/probl_sod.php (дата обращения 28.04.2018)

направлений в сфере исследования художественного дискурса. Именно в этот период развития художественной литературы появляется новый термин – «интертекст» или «интертекстуальность», введенный Юлией Кристевой⁴ для обозначения спектра межтекстуальных отношений, означающий, что любой текст всегда является составной частью широкого культурного текста. Таким образом, интертекстуальность принято считать основным видом и способом «...построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма, состоящий в том, что текст строится из цитат и реминисценций к другим текстам»⁵.

Интертекстуальные связи устанавливаются между произведениями разных видов искусства – живописи, архитектуры, музыки, театра, кинематографа, причем, как внутри знаковых систем, так и между ними. Теория интертекстуальности складывалась главным образом в ходе исследования интертекстуальных связей в художественной литературе

Использование автором интертекста имеет свою цель, заключающуюся во взаимодействии с читателем и построении диалога, так как автор намеренно ждет от читателя понимания и распознавания таких вкраплений, и это, своего рода, декодирование художественного текста. Можно сказать, что это и интеллектуальное взаимодействие разных эпох, так как все цитаты тщательно переосмыслены автором, зачастую даже опытные читатели могут не обратить внимания на отсылки к оригиналу.

Именно поэтому изучение произведений с точки зрения интертекстуальности представляет особенный интерес, а материал для исследования неисчерпаем и, на наш взгляд, недостаточно изучен.

Вышесказанное определяет **актуальность** темы нашего исследования.

---

⁴ Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман (1967). [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.ru/literature1/kristeva-00.htm#1> (дата обращения: 31.02.2018)

⁵ Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/rudnev_vadim/slovar_kulturi_XX_veka.html (дата обращения: 19.10.2017)

Степень изученности проблемы. Различные проявления интертекстуальности известны еще с незапамятных времен («Ромео и Джульетта» В. Шекспира, произведения эпохи Возрождения и др.), начало исследования проблемы было положено только в первой четверти XX века, а особый интерес к ее изучению только возрастает в последние десятилетия XXI века. Впервые об интертекстуальности в своем исследовании заговорил М.М. Бахтин⁶, термин был предложен исследователем Ю. Кристевой⁷, подробное исследование проблемы проведены такими учеными, как Р. Барт⁸, Ю.С. Степанов⁹, И. П. Ильин¹⁰, Н.А. Фатеева¹¹, Ю.П. Солодуб¹² и другими.

Объектом исследования являются романы «Андеграунд, или герой нашего времени» В. Маканина, «Медея и её дети» Л. Улицкой, произведения Б. Акунина.

Предмет исследования – особенности интертекста как формы творческого переосмысления классики в современной русской литературе.

Цель магистерской диссертации – изучить проблему интертекстуальности в современной русской литературе.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Проследить этапы становления понятий интертекста и интертекстуальности.
2. Изучить типы интертекстуальных включений.

---

⁶ Бахтин М.М. Проблемы содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/bahtin/probl_sod.php (дата обращения 28.04.2018)

⁷ Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман (1967). [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.ru/literature1/kristeva-00.htm#1>

⁸ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: 1994. – 467 с.

⁹ Степанов Ю.С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект»: (к основаниям сравнительной концептологии) // Известия АН. Сер. Литературы и языка. - 2001. –Т.60, №1.

¹⁰ Ильин И.П. Стилистика интертекстуальности: теоретические аспекты // Проблемы современной стилистики: Сборник научно-аналитических трудов. – М.: Наука, 1996.

¹¹ Фатеева Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия АН. Серия литературы и языка, 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1998/05/985-025.htm>.

¹² Солодуб Ю.П. Интертекстуальность как лингвистическая проблема // Филологические науки. – М.: 2000. - №2.

3. Проанализировать романы «Андеграунд, или герой нашего времени» В. Маканина, «Медея и её дети» Л. Улицкой, произведения Б. Акунина, являющиеся яркими образцами использования интертекста.
4. Подвергнуть критическому анализу теоретические работы, посвященные изучению творчества В. Маканина, Л. Улицкой, Б. Акунина.
5. Провести опытно-экспериментальную проверку проблемы изучения интертекстуальности в высшем образовательном учреждении с использованием технологии развития критического мышления.

Гипотеза исследования. Использование интертекстуальных включений в произведениях современных авторов реализует концептуальный замысел, заключающийся в своеобразной полемике с традициями классической литературы и переосмыслении ценностных ориентиров предыдущих эпох с позиции современности.

Новизна исследования:

1. Сделана попытка систематизация понятий, связанных с интертекстом и интертекстуальностью, выявлены этапы становления данного понятия.
2. Интертекстуальность рассмотрена в работе как одна из самых дискуссионных проблем современной филологии.
3. Предложена экспериментальная модель развития критического мышления студентов при изучении понятия интертекстуальности на основе коммуникативного и личностно-ориентированного подходов, состоящая из мотивационного, когнитивного, деятельностного и рефлексивного компонентов.

Для решения поставленных в диссертационной работе задач были применены следующие **методы исследования:** системный анализ и синтез, историко-литературный, сравнительно-исторический, сопоставительный, эмпирический.

Методологическую основу исследования составили: постановления президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева, «Национальная программа по подготовке кадров», Закон Республики Узбекистан «Об образовании» №464-І от 29.08.1997. **Теоретической основой** магистерского исследования являются труды таких видных литературоведов и философов, как М.М. Бахтин, Ю. Кристева, Р. Барт, Ю.С. Степанов, И. П. Ильин, Н.А. Фатеева, Ю.П. Солодуб и др.

Теоретическая и практическая значимость работы. Полученные результаты исследования могут быть использованы при подготовке и проведении семинарских и практических занятий по современному литературному процессу в академических лицеях, профессиональных колледжах и высших образовательных учреждениях, а предложенная методика изучения интертекстуальных включений может служить образцом исследования творчества других авторов.

Апробация работы состоялась в Национальном университете Узбекистана имени Мирзо Улугбека во время занятия по предмету «Современный литературный процесс» в группе № 314, направления «Филология – русский язык и литература».

По материалам диссертации изданы следующие статьи:

- «Актуальность изучения интертекстуальности в современном литературоведении» в сборнике материалов Республиканской научно-теоретической конференции молодых Ученых Узбекистана «Молодая филология Узбекистана» (21 февраля 2018 года);
- «Анализ интертекстуальных прозаических произведений на занятиях кружка по литературе в старших классах школы» в сборнике «Русский язык и литература в Узбекистане» (30 мая 2018 года).

Структура работы. Магистерская диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

ГЛАВА 1. Интертекст и интертекстуальность как литературоведческая проблема.

1.1. Становление понятий интертекст и интертекстуальность

К концу XX – началу XXI века в литературе под влиянием постмодернистских тенденций появляется много инновационных направлений в сфере исследования художественного дискурса. Именно в этот период развития художественной литературы появляется новый термин – «интертекст» или «интертекстуальность», впервые употреблённый исследователем Юлией Кристевой в статье «Бахтин, слово, диалог, роман»¹³ для обозначения спектра межтекстуальных отношений. Известно, что отправной точкой для построения современной теории межтекстовых связей явились идеи ученого М. М. Бахтина о «чужом» слове и «диалогичности»¹⁴, под влиянием которых французская исследовательница семиотики, ученица знаменитого исследователя Роберта Барта Ю. Кристева и ввела в обращение понятие интертекста или интертекстуальности.

М. М. Бахтин в своих работах утверждал, что «всякое конкретное высказывание находит тот предмет, на который оно направлено, всегда уже оговоренным, оцененным. Этот предмет пронизан точками зрения, чужими оценками, мыслями, акцентами. Высказывание входит в эту диалогически напряженную среду чужих слов, вплетается в их сложные взаимоотношения, сливается с одним, отталкивается от других, пересекается с третьими»¹⁵. В концепции Бахтина текст рассматривается как сложное и многоплановое явление, как «своеобразная монада, отражающая в себе все тексты в пределах данной смысловой сферы»¹⁶. По мнению исследователя, тексты, имеющие между собой хотя бы какую-нибудь смысловую конвергенцию, неизбежно вступают в диалогические

¹³Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман (1967). [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.ru/literature1/kristeva-00.htm#1> . (дата обращения: 20.09.2018)

¹⁴Бахтин М.М. Литературно – критические статьи. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/author/bahtin-mihail-mihajlovich/literaturno-kriticheskie-stati-download-free-232748.html>. (дата обращения: 21.09.2018)

¹⁵Там же.

¹⁶Там же.

отношения, становятся звеньями речевой цепи, поскольку они «соприкасаются друг с другом на территории общей темы, общей мысли»¹⁷.

И так как «тема уже была оговорена и оспорена, тексты наполняются отзвуками и отголосками других текстов: разного рода цитатами, литературными аллюзиями, литературными и внелитературными заимствованиями, строятся как мозаики из чужих текстов»¹⁸. Неоспоримо и ещё одно утверждение: «Литература – неотрывная часть культуры, ее нельзя понять вне целостного контекста всей культуры данной эпохи. Ее недопустимо отрывать от остальной культуры»¹⁹.

Данные идеи М. М. Бахтина о диалогичности любого высказывания нашли дальнейшее развитие в работах Ю. Кристевой, которая, опираясь на предложенную М. М. Бахтиным взамен статического членения текстов модель, в которой «литературная структура не наличествует, но вырабатывается по отношению к другой»²⁰, приходит к выводу, что «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста»²¹. Кристева справедливо отмечает, что, анализируя произведение, нужно рассматривать любое высказывание не как точку (устойчивый смысл), а как место пересечения текстовых плоскостей, как диалог различных видов письма – самого писателя, получателя и, наконец, письма, образованного нынешним и предшествующим культурным контекстом. Исследователь указала, что любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. В силу этого, по образному выражению Кристевой, «личность субъекта письма начинает тускнеть»²², уступая место «безличной продуктивности текста»²³, благодаря

---

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман (1967). [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.ru/literature1/kristeva-00.htm#1>. (дата обращения: 14.04.2018)

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

которой последний наделяется практически автономным, независимым от воли автора существованием.

Интертекстуальность подразумевает, что любой текст всегда является составной частью широкого культурного текста. Исследованием данного способа написания художественного произведения занимались многие филологи и теоретики литературы. В. Руднев в словаре культуры XX века сформулировал определение интертекстуальности как способа «построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма, состоящего в том, что текст строится из цитат и реминисценций к другим текстам»²⁴. Большинство лингвистов, говоря об интертекстуальности, придерживается определения, сформулированного исследователем И. В. Арнольд, которая трактует рассматриваемое понятие как «включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий»²⁵. Также понятие интертекстуальности дал и известнейший теоретик литературы Е.В.

Хализев: «В современном литературоведении термин «интертекстуальность» широко употребителен и весьма престижен. Им часто обозначается общая совокупность межтекстовых связей, в состав которых входят не только бессознательная, автоматическая или самодовлеющая игровая цитация, но и направленные, осмысленные, оценочные отсылки к предшествующим текстам и литературным фактам»²⁶.

Создание каждого нового художественного произведения – особый когнитивный процесс, в результате которого осуществляется (целенаправленно или бессознательно) полифоническая «перекличка» с предшествующими текстами в плане ситуативных, концептуально-тематических совпадений, единства изобразительно-эстетических

---

²⁴Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/rudnev_vadim/slovar_kulturi_XX_veka.html (дата обращения: 14.11.2018)

²⁵Бобылев Д.В. Лекция по теме «Интертекстуальность». [Электронный ресурс]. URL: <https://infourok.ru/material.html?mid=87516> (дата обращения: 22.04.2018)

²⁶Хализев В.Е. Теория литературы. [Электронный ресурс]. URL: <https://lit.wikireading.ru/43769>. (дата обращения: 10.04.2018)

подходов, художественно-выразительной системы. Тогда и заходит речь о «тексте в тексте», «рассказе в рассказе», о подтексте – здесь, в интертекстуальных связях, кроются корни традиций преемственности, новаторства и всего того, что именуется потенциалом литературного творчества. Основным критерием интертекстуальных отношений является «чужое слово», которое «трактруется как высказывание другого субъекта, первоначально самостоятельное и лежащее вне данного контекста, причем степень его вхождения в новый контекст может быть различной: важным остается восприятие его именно как чужого слова»²⁷.

Исследователей издавна интересовала проблема исходных сюжетов, наблюдаемая в текстах у разных народов. К примеру, в разных культурах встречается сюжет о бое отца с неизвестным ему сыном: в античном эпосе – бой Одиссея с Телегоном (сыном Одиссея, поехавшим на розыски отца), в германском эпосе – Гильдебранда с Гадубрандом, в иранском эпосе – Рустама с Сохрабом, в русском эпосе – Муромца с Сокольников. Известный сюжет, в котором царь превращается в нищего, а после долгих испытаний снова обретает прежний статус и положение, есть и у индийцев, и в римских сказаниях, и в украинских и русских сказках. Сюжеты о докторе Фаусте и Доне Жуане переходят от автора к автору в течение нескольких столетий.

Некоторые исследователи и теоретики литературы, изучая данный вопрос, пришли к мысли о «странствующих» или «бродячих» сюжетах, другие же говорили о модификации известных сюжетов. Нельзя отрицать и сложившуюся в конце XX века точку зрения о том, что «писатель неизбежно пользуется ранее созданным сюжетом. Он может его трансформировать, наполнить собственным содержанием, однако в результате этого связь с первоначальным сюжетом не утрата. Преобразование, к которому

---

²⁷Бобылев Д.В. Лекция по теме «Интертекстуальность». [Электронный ресурс]. URL: <https://infourok.ru/material.html?mid=87516>. (дата обращения: 14.04.2018)

прибегает писатель при обращении к уже готовому сюжету, есть не что иное, как проявление интертекстуальности»²⁸.

При всем многообразии концепций интертекстуальности этот термин, по словам теоретика Ю. П. Солодуба, обладает достаточно прозрачной внутренней формой, способствующей пониманию самого слова: лат. *inter* (приставка) – «между», лат. *intertextum* – «включенное внутрь»²⁹. Интертекстуальность чаще всего и трактуется как «связь между двумя художественными текстами, принадлежащими разным авторам и во временном отношении определяемыми как более ранний и более поздний»³⁰.

Многие известные российские и зарубежные ученые-лингвисты не раз говорили о том, что использование автором интертекста имеет свою цель, заключающуюся во взаимодействии с читателем и построении диалога, так как автор намеренно ждет от читателя понимания и распознавания таких вкраплений, и это, своего рода, декодирование художественного текста. Можно сказать, что это и интеллектуальное взаимодействие разных эпох, так как все цитаты тщательно переосмыслены автором, зачастую даже опытные читатели могут не обратить внимания на отсылки к оригиналу. Возникает выбор: продолжить чтение, либо вернуться к тексту-источнику, дабы проследить диалогическое взаимодействие текстов и оценить выражающиеся между двумя произведениями связи.

«Текст в тексте» – закономерная формула многих произведений современной художественной литературы: писатели ведут друг с другом нескончаемый диалог посредством своих текстов, включая в них цитаты, аллюзии, пародии (эти приемы можно объединить одним понятием – «интертекст») из произведений предшественников и современников.

---

²⁸Петрова Н.В., Лашина Е.Б. Экскурс в теорию интертекстуальности. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekskurs-v-istoriyu-teorii-intertekstualnosti>. (дата обращения: 29.05.2018)

²⁹Солодуб Ю. П. Интертекстуальность как лингвистическая проблема / Ю. П. Солодуб //Филологические науки. – 2000. – № 2. – С. 51-57.

³⁰Там же.

Однако в процессе развития творчества писатель может обращаться и к собственным текстам, «когда при порождении нового текста эта система оппозиций, идентификаций и маскировки действует уже в структуре идиолекта определенного автора, создавая многомерность его «Я», – интертекст в такой форме носит название «автоинтертекст»³¹. Оба явления представляют собой инструмент для использования писателем интертекстуальности в художественном произведении.

Интертекстуальность размывает границы текста, в результате чего текст лишается законченности, закрытости. Основным структурным принципом текста с точки зрения интертекстуальности является его внутренняя неоднородность, открытость, множественность. В этом смысле любой текст есть пространство пересечения других текстов, ассоциируемые комбинации которых создают дополнительный смысл. Интертекстуальность способствует открытости текстов, тексты могут быть продолжены в сознании читателя информацией из источников, на которые ссылаются интертекстуальные включения. Новое произведение обогащается идеями из предыдущих текстов, эти идеи развиваются в новом тексте или могут быть опровергнуты. Интертекст подразумевает под собой взаимодействие исконной идеи и выработанной. Необходимо четко понимать, если автор взял чужой текст, поменял заголовок и подставил свою фамилию, – это плагиат. Если он включил в свое произведение фрагмент чужого произведения, ничего не меняя в нем с точки зрения идеи, или же переписал чужой текст своими словами – это тоже плагиат. Но если во включение в свое произведения фрагмента чужого текста каким-либо образом меняет идейную установку чужого текста, если он способствует воплощению новой авторской идеи, – то это интертекст.

---

³¹Боднар М. П. Текст и интертекст. // «Личность-слово-социум» – 2006. Языковые антиномии и парадоксы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pws-conf.ru/nauchnaya/lss-2006/374-yazykovye-antinomii-i-paradoksy/8227-tekst-i-intertekst.html> (дата обращения: 14.05.2018).

Интертекстуальность можно описывать с двух позиций – позиции читателя и позиции автора. С точки зрения читателя, способность выявления в том или ином тексте интертекстуальных ссылок связана с установкой на более углубленное понимание текста или предотвращение его недопонимания за счет выявления его многомерных связей с другими текстами. С точки зрения автора, интертекстуальность – это способ порождения собственного текста и утверждения своей творческой индивидуальности через выстраивание сложной системы отношений с текстами других авторов. Это могут быть отношения идентификации, противопоставления или маскировки.

Интертекстуальные связи устанавливаются между произведениями разных видов искусства – живописи, архитектуры, музыки, театра, кинематографа, причем, как внутри знаковых систем, так и между ними. Теория интертекстуальности складывалась главным образом в ходе исследования интертекстуальных связей в художественной литературе.

Термины «чужой голос», «чужое слово», которые, как было отмечено ранее, восходят к работам М. М. Бахтина, нашли свое развитие и продолжение и в трудах знаменитого исследователя Ю. М. Лотмана³². Никакого сомнения не вызывает утверждение Ю. М. Лотмана о том, что «текст в своей синхронности может опираться разными своими частями на память различной временной глубины, и этот факт делает его неоднородно зашифрованным... В итоге получается «единый, но многоголосый текст»³³. Благодаря интертекстуальным связям произведение, согласно Ю.М. Лотману, одновременно выступало и как «конденсатор культурной памяти», и как «генератор новых смыслов», которые «возникают в результате преобразования цитат, диалога с литературной традицией, новых комбинаций уже известных в истории культуры элементов»³⁴.

---

³²Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. / Ю.М. Лотман. – Таллин: Александра, 1992. – 224 с.

³³Там же. – С. 27.

³⁴Там же. – С. 62.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что интертекстуальность понимается в современной лингвистической науке как взаимосотнесенность текстов, как место пересечения текстовых плоскостей. Проблема интертекстуальности тесно связана с давно изучаемой в литературоведении проблемой источников, влияний и подражаний, но не сводится к ней. На наш взгляд, при исследовании межтекстовых связей следует подходить к тексту не с точки зрения замысла автора, а с точки зрения того, что попало в текст, что увидят в нем читатели и какие ассоциации эти включения могут в нем вызвать.

1.2. Интертекстуальность как одна из наиболее дискуссионных проблем современной филологии

Судьба литературного произведения и его функционирование в большом историческом времени традиционно изучаются в рамках историко-функционального подхода в литературоведении. В центре внимания исследователей находится не только история восприятия произведения и его интерпретации со времен появления самых первых читательских оценок, но и функционирование произведения внутри литературы как системы, т.е. его значение и степень влияния на литературный процесс. Устоявшаяся и в целом продуктивная, эта методология сегодня может быть по-новому осмыслена в категориях теории интертекстуальности, активно разрабатывающейся на рубеже XX-XXI вв.

Нельзя не согласиться с расхожим мнением о том, что в каждом художественном произведении присутствуют элементы, ранее уже употреблявшиеся в других текстах. Ими могут быть и различные типы интертекстуальных приёмов, и метафоры, и предложения. В зависимости от авторского замысла тексты, содержащие данные элементы, являются стилизацией, интерпретацией, пародированием чужих текстов. Чужой и авторский тексты вступают во взаимосвязи на различных уровнях.

Интертекст представляет собой явление скрещения, контаминации текстов двух и более авторов, зеркального отражения словесных выражений, именно поэтому интертекстуальность является одной из самых дискуссионных проблем современной филологии.

По мнению исследователя М.Б. Ямпольского³⁵, основными источниками теории интертекстуальности стала не только теория полифонического романа М.М. Бахтина, но и учение о пародии Ю.Н. Тынянова и теория анаграмм Ф. де Соссюра. Принцип анаграмм, по Ф. де Соссюру³⁶, заключается в зашифровке и передаче отдельных слогов, фонем или целых текстов древних языков с целью воссоздания некоторых черт древних поэтических текстов. Учение о пародии Ю.Н. Тынянова³⁷, представителя русской формальной школы, нацелено на изучение вторичных текстов, в основе которых лежит подражание тексту-оригиналу.

Классической формулировкой интертекстуальности многие исследователи признают понятие Р. Барта: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и так далее – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык»³⁸.

В свою очередь теоретик Ю.С. Степанов полагает, что интертекст – это то, что проступает за двумя текстами, «...он многоярусен, «многоэтажен» и на уровне первого этажа уже имеет устоявшееся наименование – интертекст. Интертекст – это то, что можно читать в прямом смысле этого слова. Следующие этажи уже вряд ли можно назвать

---

³⁵ Ямпольский М.Б. Память Тиресия: Интертекстуальность и кинематограф. – М.: Культура, 1993. – С. 3.

³⁶ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Перевод под ред. А.А. Холодовича. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/ekskurs-v-istoriyu-teorii-intertekstualnosti> (дата обращения: 14.06.2018)

³⁷ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/ekskurs-v-istoriyu-teorii-intertekstualnosti> (дата обращения: 14.06.2018)

³⁸ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1998. – С. 78.

«текстами», поскольку они состоят из «нечитаемого» - понятий, образов, представлений, идей.»³⁹.

И.П. Ильин предлагает такую формулировку: «Мы назовем интертекстуальностью эту текстуальную интеракцию, которая происходит внутри отдельного текста. Для познающего субъекта интертекстуальность – это понятие, которое будет признаком того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее»⁴⁰.

Н.А. Фатеева считает, что «интертекстуальность – это способ генезиса собственного текста и постулирования собственного авторского «Я» через сложную систему отношений оппозиций, идентификации и маскировки с текстами других авторов»⁴¹.

Ю.П. Солодуб высказал мнение о том, что «интертекстуальность чаще всего трактуется как связь между двумя художественными текстами, принадлежащими разным авторам и во временном отношении определяемыми как более ранний и более поздний»⁴².

Ю.Н. Караулов в своём исследовании даёт новое определение интертекстуальности, называя данное явление «прецедентным текстом» и «прецедентным высказыванием»: «Законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу»⁴³.

Как полагает В. Е. Чернявская, интертекстуальность обозначает литературный прием, «особое качество определенных текстов, которые специально ориентированы на связи с какими-либо текстами, диалог с

---

³⁹ Степанов Ю.С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект»: (к основаниям сравнительной концептологии) // Известия АН. Сер. Литературы и языка. – 2001. – Т.60, №1. – С. 3-11.

⁴⁰ Ильин И.П. Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение: Энциклопедический справочник. – М.: Интрада, 1996. – С.217.

⁴¹ Фатеева Н.А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Известия АН. Сер. Литературы и языка. - 1997. –Т.56, №5. – С.12-21.

⁴² Солодуб Ю.П. Интертекстуальность как лингвистическая проблема // Филологические науки. – М.: 2000. - №2. – С.51-57.

⁴³ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: изд-во МГУ, 1987.- С. 24.

конкретной чужой смысловой позицией, выступающей как особый способ смысло- и текстопостроения»⁴⁴.

Е. А. Баженова определяет интертекстуальность как «текстовую категорию, отражающую соотнесенность одного текста с другим, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения»⁴⁵.

Исследователь Н. А. Кузьмина говорит об интертекстуальности как о «переключке текстов, маркированной определенными языковыми сигналами», «глубине текста, обнаруживающейся в процессе его взаимодействия с субъектом»⁴⁶.

Нельзя не отметить, что большую значимость в изучении интертекстуальности представляет теория эволюционного развития литературного произведения. В рамках данной теории выдвигалось положение о том, что основной силой развития литературного текста является система взаимоотношений между литературными произведениями. Все заимствования, включенные во вновь созданные литературные произведения, являются обновленными литературными формами, поэтому можно с уверенностью утверждать, что принадлежат они только создателю произведения. Б.В. Томашевский в своем исследовании утверждал следующее: «В борьбе с механизацией приема употребляется подновление приема в новой функции и в новом осмыслении. Подновление приема аналогично употреблению цитаты из старого автора в новом применении с новым значением»⁴⁷.

В то же время в ряде случаев ученые, используя в своих работах ставший впоследствии чрезвычайно популярным термин «интертекстуальность», предлагали свои трактовки этого понятия, заметно

---

⁴⁴Чернявская В. Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // Вопр. когнитив. лингвистики. – М: 2004. № 1. – С. 106–115.

⁴⁵Баженова Е. А. Интертекстуальность // Стилистический словарь русского языка. М., 2003. – С. 104–108.

⁴⁶Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – М., 2004. – С. 37.

⁴⁷Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М., 1996. – С. 79.

отличающиеся от исходной концепции Ю. Кристевой и Р. Барта. Большинство исследователей стремились «сузить» понятие интертекстуальности, более тесно связав ее с авторским замыслом, сознательным стремлением писателя установить отношения между созданным им текстом и работами предшественников. Причины этого, на наш взгляд, очевидны – предельно широкое понимание интертекстуальности значительно затрудняет практическое использование этого понятия при анализе текстов, выявление случаев взаимодействий конкретных текстов.

Как показывает практика, в рамках литературоведческого анализа справедливо сосредоточить внимание прежде всего на выявлении в тексте примеров намеренных и сознательных ссылок автора на произведения предшественников и современников, его осознанного диалога с культурной традицией.

Таким образом, анализ работ зарубежных и отечественных ученых по проблеме интертекстуальности позволяет сделать вывод о том, что теоретические вопросы, касающиеся рассмотрения литературного произведения в контексте межтекстового диалога играют важную роль в современных литературоведческих исследованиях.

1.3. Интертекст как художественный прием

Явления интертекста присутствуют во всех сферах культуры: в искусстве, в литературе, в языке. Все окружающие человека события пронизаны интертекстом, который можно назвать универсальным механизмом культурной памяти. Интертекстуальность – это не только констатация прошлого опыта, но и активная его эксплуатация, его продолжение и развитие.

Для литературы постмодернизма характерной чертой является так называемое «цитатное мышление», которое подразумевает не только знание текстов отечественной и зарубежной классики, но и развитое подсознание,

и фольклорную родовую память, и понимание исторического процесса. Нельзя отрицать тот факт, что вся современная публицистика и литература являются как частью текста мировой классики, так и частью межкультурных коммуникаций. В этом утверждении можно опереться на мнение исследователя В.Н. Курицына, который в своей книге «Русский литературный постмодернизм» писал: «Постмодернизм – опыт непрерывного знакового обмена, взаимопровокаций и перекодировок. Этим вполне объясняется постмодернистская интертекстуальность: постоянный обмен смыслами стирает различие между «своим» и «чужим» словом, введенный в ситуацию обмена знак становится потенциальной принадлежностью любого участника обмена»⁴⁸. Несомненно, интертекст является основой постмодернистской культуры, важнейшим приемом создания современного публицистического и художественного текста.

Одной из ярких особенностей постмодернизма, по мнению исследователя Ж. Дерриды, можно назвать деструкцию. Философ называет хаоса своеобразным порядком эпохи. Текст, в свою очередь, является ключевым понятием постмодерна, а любой новый художественный текст понимается исключительно как интертекст, так как он становится неотъемлемой составляющей всеобщей культуры: он включает в себя предыдущие тексты и их части. В своей работе исследователь Ю.Л. Высочина говорит о том, что постмодернистский текст «теряет свою уникальность, законченность, становясь лишь частью общего универсального текста, совпадающего с историей и обществом, а интертекстуальность предстает как теория безграничного текста, который интертекстуален в каждом своем фрагменте. Интертекст становится языковой игрой, которая проявляется в прямом и скрытом цитировании, переработке тем и сюжетов, аллюзиях, пародировании, подражании, трансформации языковых единиц на разных уровнях. Это своего рода

---

⁴⁸Курицын В.Н. Русский литературный постмодернизм. – М.: ОГИ, 2000. С. – 27.

эксперимент, направленный на поиски новых форм и способов передачи авторского замысла»⁴⁹.

Интертекстуальность можно считать сильным выразительным средством, обогащающим смысл содержания авторского поэтического текста. Главной задачей автора, на наш взгляд, становится именно то, что цитата – явная или скрытая – будет узнана читателем, тогда и эффект интертекстуальности и цель автора будут достигнуты. Данный приём в полной мере нацелен на активного читателя; именно читатель должен не просто распознать наличие интертекста, но и идентифицировать его, а затем и дать ему своё толкование.

В современном литературоведении интертекст интерпретируется в как установка на более глубокое понимание текста. Разрешение недопонимания текста, таким образом, происходит вследствие установления многомерных связей с другими текстами. При этом у читателя всегда существует альтернатива – рассматривать интертекстуальные связи или нет. Другими словами, для реализации интертекстуальных связей читатель должен осуществлять деятельную, творческую функцию и быть в достаточной степени подготовлен для этого.

Кроме того, может возникнуть и другая опасность: буквальное понимание цитаты (особенно скрытой, в виде намёка) как авторских слов. В результате произведение может показаться странным и непонятным, тем самым вызывая читательское отторжение. Чтобы «узнать» чужую цитату, «услышать» чужой голос, читатель должен иметь представление о русской и зарубежной литературной классике (по крайней мере, в её известнейших образцах), обладать высокой эрудицией и культурным кругозором. Кроме того, главная роль, конечно, отводится автору, который должен предугадать

---

⁴⁹Высочина Ю.Л. Интертекст как языковая игра постмодернизма (на примере произведений Т. Толстой, Б. Акунина, В. Пелевина). – [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekst-kak-yazykovaya-igra-postmodernizma-na-primere-proizvedeniy-t-tolstoy-b-akunina-v-pelevina>. (дата обращения: 14.04.2018)

и рассчитать порог понимания интертекста в своём произведении, дабы не остаться непонятым читательской аудиторией.

Интертекстуальность можно рассматривать с точки зрения её нескольких типов (приёмов): цитирования, аллюзии, реминисценции.

Цитирование – важный прием создания художественного текста. Включение писателем в свое произведение элементов других текстов позволяет говорить об игровом начале интертекстуальности: читателю предстоит заняться увлекательной деятельностью в процессе прочтения художественного текста – разгадать своеобразную головоломку, распознав цитаты, определив их источник и раскрыв их функцию в данном тексте. Узнавание «голоса» другого текста в художественном произведении зависит непосредственно от личности читателя, уровня его тезауруса, окружающей его действительности. Кроме того, узнаванию способствуют комментарии редактора, примечания самого писателя или же графические средства выделения текста, которые применяются автором и редактором для того, чтобы обратить внимание читателя на определенный момент в тексте.

Существует множество примеров интертекстуальности как в классической, так и в современной литературе, как в поэзии, так и в прозе. Разные приемы интертекста в значительной степени являются элементом самовыражения автора. Самым распространенным примером цитирования, пожалуй, можно назвать известные строки А.С. Пушкина из стихотворения «К ***» (1825):

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Однако, не всем известно, что последняя фраза данного четверостишья заимствована из стихотворения В.А. Жуковского «Лалла Рук» (1821):

Ах! не с нами обитает
Гений чистой красоты;
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты...

Необходимо отметить, что в произведении Пушкина данная цитата обрела новый смысл и была использована очень органично в новом контексте.

Стихотворение Н.А. Некрасова также нашло своё отражение в приёмах интертекстуальности у А.П. Чехова:

- ❖ *Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно.
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...* (Н.А. Некрасов, «Рыцарь на час», 1863)
- ❖ *Вы умны, благородны, с молоком матери всосали благие порывы,
но едва вступили в жизнь, как утомились, заболели* (А. П. Чехов, «Палата № 6», гл. 18. 1892).

Интертекст играет немаловажную роль в семантико-стилистическом обогащении художественного произведения и его интерпретации, поскольку «основу текста составляет не его внутренняя, закрытая структура, поддающаяся исчерпывающему изучению, а его выход в другие тексты, другие коды, другие знаки»⁵⁰. Исследование художественного текста с позиции теории интертекстуальности дает новые возможности в постижении языковой картины мира писателя, его идиостиля, места произведения в мире художественной литературы.

Цитата – это воспроизведение в тексте одного и более компонентов чужого текста. Цитата активно нацелена на узнавание. Наиболее чистой формой цитаты можно считать цитаты с точной атрибуцией и

---

⁵⁰Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1998. – С. 424.

тождественным воспроизведением образца. Например, в одной из своих статей К.П. Сидоренко использует цитату из стихотворения Пушкина, где однозначно указан автор цитируемых строк, а прецедентное высказывание заключено в кавычки: «Ненастный день потух»: проблемы Пушкинского образования»⁵¹.

Приём цитирования является достаточно распространенным среди многих писателей рубежа XX-XXI веков. Примером может служить роман Т. Толстой «Кысь». Текст романа насыщен цитатами из произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, О. Мандельштама, А. Блока, В. Маяковского, Б. Пастернака, С. Есенина и многих других. Кроме того, внимание уделено и фольклору – цитируются сказки, заговоры, песни. На каждой странице романа присутствуют цитаты, рассредоточенные по репликам героев, которые характеризуют образы, социальные явления, эмоциональные состояния, оценку того или иного события: «Митрофанушка, недоросль» (Д.И. Фонвизин), «Слышу речь не мальчика, но мужа» (А.С. Пушкин, «Борис Годунов»), «Гордись, таков и ты поэт, и для тебя *закона* нет» (У А.С. Пушкина «Гордись, таков и ты, поэт, / И для тебя *условий* нет»), «страх, петля и яма» (Н. Гумилев, «Звездный ужас»), «Нате!» (В.В. Маяковский).

Интертекстуальные включения всегда призваны привлечь внимание определенной читательской аудитории, подчеркнуть связь текста с оригиналом и, в то же время, индивидуальность и авторское понимание проблемы. Так, герой поэмы «Москва – Петушки» Вен. Ерофеева использует слова Е. А. Баратынского: «Есть бытие, но именем каким его назвать, – ни сон оно, ни бденье» для описания состояния крайнего опьянения, тем самым не просто ссылаясь на предшественника, но противопоставляя два (свое и Баратынского) употребления этого суждения. Баратынский же, в свое время, рассуждал о более «высоком»: о бытие человека, представляя эпохи его существования.

---

⁵¹Сидоренко К.П. Интертекстовые связи пушкинского слова / Рос. гос. пед. университет им. А.И. Герцена. СПб., 1999. – С. 11.

Аллюзия – это стилистическая фигура, в которой содержится указание, намек или аналогия на какой-либо исторический, мифологический, политический или литературный факт, имеющий устойчивое значение в каком-либо тексте или разговорной речи. Примерами аллюзий можно считать и фразеологизмы: Авгиевы конюшни, Ахиллесова пята и др. Они не только являются атрибутами греческих мифов, но давно уже используются как отдельные стилистические фигуры.

Еще одним характерным примером аллюзии может служить тема памятника в литературе, к которой неоднократно обращались многие авторы:

- У М.В. Ломоносова: *«Я знак бессмертия себе воздвигнул / Превыше пирамид и крепче меди»;*
- У Г.Р. Державина: *«Я памятник воздвиг чудесный, вечный / Металлов твёрже он и выше пирамид»;*
- У В.В. Капниста: *«Я памятник себе воздвигнул долговечной, / Превыше пирамид и крепче меди он»;*
- У А.С. Пушкина: *«Я памятник себе воздвиг нерукотворный, / К нему не зарастет народная тропа»;*
- У А.А. Фета: *«Воздвиг я памятник вечнее меди прочной, / И зданий царственных превыше пирамид».*

Реминисценция - это образы литературы в литературе, неявные или подтекстовые цитаты. Реминисценция замечается, только если читатель замечает сходство и проводит задуманную автором аналогию. То есть интеллект читателя и автора должны быть примерно одинаковыми. Иначе читатель или не заметит, или воспримет ее как некую непонятную головоломку.

По своей природе реминисценция всегда вторична, но способ реминисцирования носит интеллектуальный и творческий характер, что отличает ее от обыкновенного копирования или, тем более, плагиата.

Реминисценция как интертекстуальный приём чрезвычайно многообразна, именно поэтому исследователи выделяют несколько её уровней:

- образный уровень;
- ритмико-синтаксический уровень;
- лексический уровень.

Образный уровень реминисценции проявляется в заимствовании образов и персонажей одного автора у другого или целого ряда авторов. Сюда же можно отнести и понятие хронотопа, введенного М.М. Бахтиным. Ярким примером образной реминисценции может служить рассказ А.П. Чехова «Скрипка Ротшильда», главный герой которого – Яков Бронзе – сопоставляется с «Гробовщиком» А.С. Пушкина. Образ гробовщика заимствован Чеховым у Пушкина, однако сам Пушкин заимствует данный образ у Шекспира и Вальтера Скотта.

На ритмико-синтаксическом уровне реминисценции проявляются в размере, рифме, строфике, синтаксических конструкциях. О данном уровне можно говорить лишь в контексте лирического произведения, в силу неприменимости к эпическому тексту таких понятий, как размер, рифма и строфика.

Лексический уровень предполагает заимствование и употребление лексики и лексических средств одного автора другим. Ярким примером лексической реминисценции может считаться воспроизведение чужого заглавия: «Порт» – заглавие новеллы Набокова и Мопассана, «Отцы и дети», «Вешние воды» – заглавия у Хемингуэя и Тургенева, «Царскосельская статуя» - Пушкина и Ахматовой, а также «Маленькие трагедии» Пушкина.

Кроме этого теоретики выделяют и два вида реминисценции: эксплицитную, которая рассчитана на узнавание, и имплицитную – скрытую. Часто грань между этими видами реминисценции трудно уловима.

На наш взгляд, употребление реминисценции имеет главную функцию – функцию напоминания. Читатель, не увидевший в

художественном тексте ничего необычного, или увидевший, но не получивший ни малейшего представления, о чём автор ведёт свою речь, не поймет и не оценит этого своеобразного художественного средства. В современной литературе реминисценция используется довольно часто.

В соответствии с последними лингвистическими исследованиями, «интертекстуальность присутствует в каждом тексте, и каждый текст, в свою очередь, является интертекстом»⁵². Любой текст, художественный или нет, существует в окружении других текстов, взаимодействует с ними, включает в себя следы предшествующих произведений и накладывает свой отпечаток на произведения других авторов. Нельзя не согласиться со словами польского ученого Станислава Ежи Леца: «Обо всем уже сказано. К счастью, не обо всем подумано»⁵³. Именно поэтому изучение интертекстуальности является актуальной задачей современных ученых, а материал исследования неисчерпаем.

Вводимые авторами интертекстуальные элементы в условиях нового контекста приобретают иное значение. Они служат для выделения в тексте точек зрения автора, героя и повествователя. Причем цитаты не только подчеркивают наличие авторской позиции, но и являются способом ее выражения. Цитаты могут указать авторскую установку на некий философский план произведения. При этом ключ к прочтению может быть подсказан и предполагаемой цитатой.

Постмодернизм – опыт непрерывного знакового обмена, взаимопровокаций и перекодировок. Этим вполне объясняется постмодернистская интертекстуальность: постоянный обмен смыслами стирает различия между «своим» и «чужим» словом, введенный в ситуацию

---

⁵²Интертекстуальность в художественных текстах и особенности ее реализации. – [Электронный ресурс]. URL: <https://bibliofond.ru/view.aspx?id=667219> (дата обращения: 23.04.2019)

⁵³Тименчик Р.Д. и др. Итертекстуальность. – [Электронный ресурс]. URL: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/81a2bdf0-dab0-e177-4fe3-e587d3d6d70c/1007707A.htm> (дата обращения: 2. 03.2019)

обмена знак становится потенциальной принадлежностью любого участника обмена.

Автор играет с текстом, и тексты играют с ним, вовлекая в эту игру читателя и весь мир. Через игру текст рождается как бы на наших глазах, спонтанно, неосознанно и вопреки привычным правилам. Таким образом, в процессе чтения все трое – автор, текст и читатель превращаются в единое, бесконечное поле для игры письма.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что благодаря приему интертекстуальности перед читателями предстает уже не законченное, обладающее смысловым единством целостное произведение, принадлежащее конкретному автору, а именно текст как динамический процесс, включающий в себя множество идей, сюжетных линий и принципиально «вторичный» смысл, не имеющий автора в привычном представлении.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

В результате проведенного исследования в теоретической области изучения интертекстуальности, можно с большой долей объективности утверждать, что интертекстуальность является одной из самых острых и значительных проблем современного литературоведения. Этот способ написания художественного произведения нельзя назвать новым явлением в литературном процессе (становление понятий интертекст и интертекстуальность можно отнести к концу XX века, после введения в 1967 году самого термина Ю. Кристевой, но как художественный прием в литературе интертекстуальность использовалась еще с древнейших времен), однако интертекстуальность является наиболее знаковым явлением именно для эпохи постмодернизма.

Феномен интертекстуальности был изучен в работах как признанных теоретиков литературоведения, таких как М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, Ю.Н. Тынянов, М.Б. Ямпольский, так и в работах современных исследователей: Ю. Кристевой, Р. Барта, Ю. Солодуба, А. Илуниной, Н. Фатеевой и многих других. В своих работах ученые не раз говорили о том, что использование автором интертекста имеет свою цель, заключающуюся во взаимодействии с читателем и построении диалога, так как автор намеренно ждет от читателя понимания и распознавания таких вкраплений, и это, своего рода, декодирование художественного текста. Можно сказать, что это и интеллектуальное взаимодействие разных эпох, так как все цитаты тщательно переосмыслены автором, зачастую даже опытные читатели могут не обратить внимания на отсылки к оригиналу. Возникает выбор: продолжить чтение, либо вернуться к тексту-источнику, дабы проследить диалогическое взаимодействие текстов и оценить выражающиеся между двумя произведениями связи.

Анализ работ зарубежных и отечественных ученых по рассматриваемой проблеме позволяет сделать вывод, что теоретические вопросы, касающиеся определения понятий «интертекст» и

«интертекстуальность» не имеют однозначного толкования, кроме этого, возникает полемика и в процессе определения цели использования данного приёма в произведениях различными авторами.

Одной из главных особенностей интертекстуальности можно назвать то, что она размывает границы текста, в результате чего текст лишается законченности, закрытости. Основным структурным принципом текста с точки зрения интертекстуальности является его внутренняя неоднородность, открытость, множественность. В этом смысле любой текст есть пространство пересечения других текстов, ассоциируемые комбинации которых создают дополнительный смысл. Интертекстуальность способствует открытости текстов, тексты могут быть продолжены в сознании читателя информацией из источников, на которые ссылаются интертекстуальные включения. Новое произведение обогащается идеями из предыдущих текстов, эти идеи развиваются в новом тексте или могут быть опровергнуты. Интертекст подразумевает под собой взаимодействие исконной идеи и выработанной. Необходимо четко отличать прием интертекста от обычного плагиата: если автор взял чужой текст, поменял заголовок и подставил свою фамилию, или включил в свое произведение фрагмент чужого произведения, ничего не меняя в нем с точки зрения идеи, или же переписал чужой текст своими словами – это плагиат. Но если во включение в свое произведения фрагмента чужого текста каким-либо образом меняет идейную установку чужого текста, если он способствует воплощению новой авторской идеи, – то это интертекст.

Интертекст как художественный приём присутствует во всех сферах культуры, в искусстве, в литературе, в языке. Все окружающие человека события пронизаны интертекстом, который можно считать универсальным механизмом культурной памяти. В интертексте мы имеем не только констатацию прошлого опыта, но и активную его эксплуатацию, его продолжение и развитие. В интертексте обращение к прошлому опыту несет черты избирательности.

Интертекстуальный подход в современном литературоведении является своевременным, значимым и необходимым. Он расширяет привычные границы понимания литературного произведения, что дает новые возможности в интерпретации художественных и публицистических произведений.

ГЛАВА 2. Интертекстуальный диалог в современной русской прозе как литературоведческая проблема

2.1. Интертекстуальные включения в романе В.С. Маканина

«Андеграунд, или герой нашего времени»

Творчество В.С. Маканина является значимым для современного литературного процесса. Его имя сейчас известно во всем мире, а книги переведены на многие европейские языки. В своём самом масштабном романе «Андеграунд, или герой нашего времени» писатель создаёт колоритную обстановку современной ему России, кроме того в романе воплотились размышления о сущности и значении не только литературы, но и в целом искусства в современном мире.

По словам исследователя О.Н. Васильевой, «суждения о русской и мировой классике разбросаны по интервью Маканина и позволяют выявить особенности концептуальной системы автора, в которой одну из основных ролей играют интертекстуальные включения. Без прямых оценок Маканиным творчества Лермонтова, Толстого, Чехова, Достоевского невозможно работать с интертекстом и, как следствие, в полной мере актуализировать смысл его романа»⁵⁴.

Так, на вопрос о том, что вкладывалось в переключку романа «Андеграунд, или герой нашего времени» с классическими текстами русской литературы, Маканин отвечает: «Это только слово «андеграунд» как бы чужое, но реально это – подполье. У Достоевского были «Записки из подполья». Ценно само слово. Но слово было скомпрометировано, для меня, во всяком случае, для моего поколения. «Краснодонское подполье», еще что-то там, понимаете? Одно дело – пришел человек к такому же человеку андеграунда, как и я. А пришел подпольщик к подпольщику – это сразу

---

⁵⁴Васильева О.Н. Роман В.С. Маканина «Андеграунд или герой нашего времени» в диалоге с творчеством Ф.М. Достоевского (к проблеме интертекстуальности). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-v-s-makanina-andegraund-ili-geroy-nashego-vremeni-v-dialoge-s-tvorchestvom-f-m-dostoevskogo-k-probleme-intertekstualnosti> (дата обращения: 14.04.2018)

вызывало бы ненужную комическую ситуацию. Поэтому эти переключки естественны. Они говорили не столько о желании открыть новую тему, сколько попытаться засветить эту переключку с великой литературой XIX века»⁵⁵.

Можно предположить, что заглавие романа М.Ю. Лермонтова заимствовано автором в связи с его общеизвестностью: важен не сам по себе роман «Герой нашего времени», не в качестве произведения с определённым содержанием, он важен как самобытный символ всей классической русской литературы. Тогда целью автора может являться изображение сложных на нынешний момент отношений классической и андеграундной культуры, когда классическая русская литература вытесняется в «подполье», а андеграундное искусство уже полноправно можно назвать классикой отечественной культуры. Кроме того, заглавие, схожее с романом М.Ю. Лермонтова, важно с точки зрения своего номинативного значения: герой нашего времени предстаёт перед читателями как некий обобщенный образ человека, обладающего чертами, характерными для людей определённой эпохи. Несомненно, важна и содержательная переключка романов Лермонтова и Маканина.

С точки зрения повествования роман М.Ю. Лермонтова построен сложнее: в тексте меняются несколько рассказчиков, одним из которых является и сам главный герой романа – Печорин, что может свидетельствовать о желании автора представить объективный образ «героя своего времени». В романе В. Маканина присутствует только речь героя – Петровича – из чего, на наш взгляд, можно сделать вывод, что образ героя его предельно субъективен.

Главные действующие лица романов М.Ю. Лермонтова и В. Маканина отличаются и по степени свободы в тексте, которая определяется их литературным статусом. Печорин – типичный герой романа,

---

⁵⁵Маканин В. С. Самое интересное – играть черными. [Электронный ресурс] // Телеканал «Культура» [Сайт]. URL: <http://www.tvkultura.ru/news.html?id=142174> (дата обращения: 27.02.2018)

подчиненный законам художественного произведения, характерный для эпохи реализма. Степень свободы Петровича, героя маканинского романа, внутри текста, безусловно, выше. Для него практически не существует безвыходных ситуаций, он почти всегда легко понимает внутренние мотивы других персонажей, хотя не всегда может их скорректировать.

Печорин в романе совершает много различных поступков. Огромное количество случайностей в его жизни необходимо, закономерно с точки зрения развития романного действия. В романе В. Маканина многие важные события вызваны желанием героя попытаться прожить судьбу другого. Вступая в диалог с Другим и желая понять его, Петрович пытается сам стать другим, насколько это возможно.

Основным различием героев становится их отношение к смерти. Персонаж Лермонтова умирает, так и не найдя своего места в мире, что характерно для образа «лишнего человека», не способного преодолеть внутренние противоречия и найти своё место в мире, обрести гармонию. Для героя романа В. Маканина – Петровича – смерти принципиально не существует. Он тоже, своего рода «лишний человек», но уже современной эпохи. В обоих романах образы героев не получают однозначной трактовки, нет какого-то конкретного ответа на поставленные в романе вопросы. Однако, герой романа Маканина воспринимается как образ, который имеет принципиально незавершенную природу, получая со временем новые трактовки при прочтении.

Мысль о парадоксальности героя подчеркивается и второй частью заглавия романа В. Маканина. Само это понятие, на наш взгляд, имеет двойственное значение. С одной стороны, андеграунд можно воспринимать как направление в искусстве, культуре. С другой – расшифровать этот термин как «подполье». В связи со вторым значением данное понятие можно соотнести с «подпольным» человеком Ф.М. Достоевского. Тогда допустимо сказать о том, что главный герой романа В. Маканина, становится новым воплощением «подпольного» человека в XX веке.

Имя Достоевского часто упоминается на страницах романа «Андеграунд, или герой нашего времени», по мнению исследователя О.Н. Васильевой, его можно назвать своеобразным романом-исповедью, психологическим отчетом о трагедии человека, убежденного во вседозволенности: «Зато XIX век... и предупреждение литературы (литературой)... и сам Федор Михайлович, как же без него?! Но ведь только оттуда и тянуло ветерком подлинной нравственности»⁵⁶.

Противоречивость героев может восприниматься как следствие их предельного субъективизма. Но субъективизм у главных героев романа проявляется по-разному. У Петровича в виде нежелания быть объективным по отношению к миру враждебному ему. Герой оставляет за собой право на импульсивные, необдуманные поступки, что объясняет своей принадлежностью к андеграунду, то есть к поколению изгоев. Что касается героя Достоевского, то его субъективность вызвана неспособностью героя к диалогу.

Различно и отношение «подпольных» людей XX и XIX веков к «живой» жизни. Герою Достоевского недоступно любое проявление «живой» жизни. Для Петровича окружающий мир насквозь прозаичен, гиперреален, что характерно для постмодерна. В. Маканин объединяет в своем романе две диаметрально противоположные литературные формулы классической литературы: «подпольный» человек и «герой времени». «Подполье» в его романе обрисовано как «подсознание общества». Тогда можно предполагать то, что по мнению автора, в современном обществе «подсознательные», скрытые черты выходят на первый план, даже если это не осознается общающим большинством. Уже в заглавии романа были заявлены основные темы произведения. По словам исследователя К.О. Шилиной, «это и парадоксальность героя, и неоднозначность авторской позиции, и сложные, многомерные отношения маканинского текста с

---

⁵⁶Маканин В. С. Андеграунд, или Герой нашего времени. – М.: Эксмо, 2010. – С. 160.

классической русской литературой. Здесь же затрагивается вопрос о соотношении андеграундной и классической культуры»⁵⁷.

Роман состоит из бесконечной череды историй, его можно сравнить со спутанным клубком. И из клубка вытягиваются по воле автора мотивы и сюжетные линии. Повествование данного романа, как и многих произведений Маканина, ведется от первого лица. Но искать прямую параллель между автором и его героями ошибочно, ведь сам автор говорил так о повествовании в своих произведениях: «Это то же самое, что спросить у актера: вы всегда играете самого себя? Прием «от первого лица» очень помогает, когда берешь образ малознакомый и как раз не близкий тебе. Ты вживаешься в роль. Рассказ получается живее <...> Это гораздо сильнее. Это гораздо достовернее»⁵⁸.

Главный герой произведения – несостоявшийся писатель Петрович, ни строчки которого не напечатали в советское время. Герой – бомж в гигантском общежитии (образ страны), в котором за небольшие деньги сторожит квартиры хозяев во время их отсутствия. Жители общаги делятся с ним своими проблемами, чувствами, часто низкими и эгоистичными, и Петрович превращает их в свое существование, сам становится речью этих жителей. В данном высказывании заключена одна из постмодернистских установок, отражающихся в романе – мир как текст: «...сказал я себе <...> ты теперь и есть текст»⁵⁹. Дороже всего для Петровича – его «я», т.е. свобода, и ради ее сохранения герой способен на все, даже на преступление. Первое убийство – кавказца, отобравшего у Петровича деньги ночью, – герой совершает, пытаясь сохранить собственный авторитет в своих глазах, спасая свое «я»: «Я защищал. Не те малые деньги, которые он отнял (совсем мало), – я защищал «я». Он бы ушел, отнявший и довольный собой, а я после

---

⁵⁷Шилина К.О. Поэтика романа В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени». [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/poetika-romana-v-makanina-andegraund-ili-geroy-nashego-vremeni> (дата обращения: 30.03.2018)

⁵⁸Маканин В.С. «Я не убивал их...»: Интервью В. С. Маканина // Российская газета. 2008. 5–10 июня. – С. 26.

⁵⁹Маканин В. С. Андеграунд, или Герой нашего времени. – М.: Эксмо, 2010. – С. 104.

пережитой униженности не находил бы себе места: я бы болел! Уже на другой день, уже с утра, нервный и озлобленный (на самого себя) <...> Бегал бы, крутился бы возле палаток в злой беспомощности – в невозможности найти обобравшего меня среди полусотни торгующих его соплеменников»⁶⁰.

Сюжет произведения можно считать аллюзией на роман «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского: после совершенного убийства Петровича (как и Раскольникова) вызывают к следователю. Связь с наследием классика проявляется также в использовании аллюзий: Раскольникова, Сони. Петрович также сравнивает следователя со знаменитым Порфирием: «... и опять его особый смешок, словно он строил из себя дотошного сыщика или, скажем, Порфирия из знаменитого романа»⁶¹.

Петрович также, на наш взгляд, соотносится в романе В. Маканина с Раскольниковым, даже сам герой подмечает это, называя его литератором, в одной из своих реплик: «а ведь и Раскольников литератор, смотри как! – мелькнуло в голове»⁶². Общие черты Раскольникова и Петровича можно обнаружить и в разработанной главным героем современного романа философии удара: – «Веня, удар – это философия. Удар – это наше все!»⁶³.

Особого внимания заслуживает и еще одна цитата Петровича: «...убийство было и есть всецело в их компетенции. Они (государство, власть, КГБ) могли уничтожать миллионами <...> Ты убивать не смог и не смел. Они могли и убивали»⁶⁴. Право на преступление и рассуждения на эту тему – ещё одна интертекстуальная отсылка к герою романа «Преступление и наказание». Однако, если Раскольников считал, что право на убийство

---

⁶⁰ Там же. – С. 224.

⁶¹ Там же. – С. 202.

⁶² Там же. – С. 202-203.

⁶³ Там же. – С. 109.

⁶⁴ Там же. – С. 236.

есть у избранных людей, то Петрович считает убийство исключительным правом государства.

Если для Раскольниковва самым большим наказанием является осознание факта, что он убийца, впоследствии же он искренне раскаивается в содеянном преступлении, то у Петровича нет подобных герою Достоевского мучительных «внутренних» страданий. Ф.М. Достоевский в своем романе «Преступление и наказание» доказывает мысль о неправильности убийства человека, о том, что не зря существует запрет преступать черту. Творчество классика занимает глобальное место в «Андеграунде», однако Маканин рассматривает данную в романах проблематику со своей позиции, применительно к современной ему действительности XX в. Проходя через урок Достоевского, в главе «Кавказский след» автор приводит другой пример – дуэль Пушкина, который оправдывает убийство. Пушкин, по мнению главного героя Маканина, после выстрела Дантеса имел право убить соперника и не раскаяться в этом: «Замечательный сущностный урок «не преступить убийства» – к примеру, роман Достоевского – все еще жив для нас. Но жив уже как мысль, как энергично выраженная художественная абстракция. <...> Но не убий на страницах еще не убий на снегу. И не роняя святого авторитета Ф.М., российский человек вправе отступить от его дней, от его страсотерпского времени на три десятилетия назад (на одно поколение, всего-то!) и припасть к времени других авторитетов. Не он же один. Не он один жизнь прожил... А.С. – упавший, кусая снег, как он целил! – уже раненый, уже с пулей в животе, разве хотел он или собирался после покаяться? Убив Дантеса, встал бы он на коленях на перекрестке после случившегося?.. Ничуть не бывало»⁶⁵.

В. Маканин в своем романе отображает современную действительность и дает ей собственную оценку: «Но теперь не пройдет. Не

---

⁶⁵Там же. – С. 237.

тот, извините, век»⁶⁶. Его герой – Петрович – не раскаивается в первом убийстве: «сожалею, но вот раскаяния... нет»⁶⁷, а после совершает и второе, однако далее его все-таки начинает терзать мысль о саморазрушении убийством, высказанная еще Достоевским: «Старая, старенькая, как мир, мысль, что, убив человека, ты не только в нем – ты в себе рушишь»⁶⁸. Всеми силами Петрович старается противостоять раскаянию, чем он и отличается от героя классического романа: «Я был готов думать, сколько угодно думать, лишь бы не допустить сбой: не впустить в себя чудовищный, унижающий человека сюжетец о покаянном приходе с повинной. Покаяние – это распад. А покаяние им – глупость. Психологический прокол, когда в здоровом уме и памяти человек вдруг записывается на прием, является, садится за столом напротив и... убил, мол, гебэшника, погорячился в аффекте! (Простите. И дайте поменьше срок.)»⁶⁹.

Можно сделать вывод, что В. Маканин противопоставляет мнению Ф.М. Достоевского современную постмодернистскую альтернативу: «Время целить в лобешник и время стоять на перекрестке на покаянных коленях. Мы дорогой (говорил я ему-себе), скорее в первом времени, чем во втором»⁷⁰ (у Достоевского: «Как стоял, так и упал он на землю... Он стал на колени среди площади, поклонился до земли и поцеловал эту грязную землю, с наслаждением и счастьем. Он встал и поклонился в другой раз»⁷¹).

В исследовании О.Н. Васильевой также приводятся примеры многочисленных отсылок к роману «Преступление и наказание», которые несут в себе важную смысловую нагрузку:

---

⁶⁶ Там же. – С. 203.

⁶⁷ Там же. – С. 227.

⁶⁸ Там же. – С. 237.

⁶⁹ Там же. – С. 387.

⁷⁰ Там же. – С. 238.

⁷¹ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: роман в шести частях с эпилогом. – М.: Эксмо, 2011. – С. 442.

«Андеграунд, или герой нашего времени»	«Преступление и наказание»
Старшой молчал, а потом появилась эта не нравившаяся мне улыбка; почти ухмылка. <...> Он мог, он имел право, с улыбочкой или без, сколь угодно долго ждать моих покаянных слов ⁷² .	А необыкновенные имеют право делать всякие преступления всячески преступать закон ⁷³ .
А если ты никто? если человек, инженер, агэшник, кто угодно, тварь живая ⁷⁴ .	Тварь ли я дрожащая или право имею... ⁷⁵ .
Когда в кино убивают шпика, он полное ничтожество. (Чтоб не жалеть. Чтоб треск раздавленной вши.) ⁷⁶ .	– Я ведь только вошь убил, Соня, бесполезную, гадкую, зловредную ⁷⁷ .
Каморка холодна, мала и убога ⁷⁸ .	Наконец ему стало душно и тесно в этой желтой каморке, похожей на шкаф или на сундук ⁷⁹ .

На данных ключевых словах, по мнению исследователя О.Н. Васильевой, «построен весь «Андеграунд». Они заключают в себе идейное содержание романа Маканина, обладают огромной семантической емкостью и создают дополнительные ассоциативные связи с творением Достоевского»⁸⁰.

⁷²Маканин В. С. Андеграунд, или Герой нашего времени. – М.: Эксмо, 2010. – С. 96.

⁷³Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: роман в шести частях с эпилогом. – М.: Эксмо, 2011. – С. 276

⁷⁴Маканин В. С. Андеграунд, или Герой нашего времени. – М.: Эксмо, 2010. – С. 351.

⁷⁵Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: роман в шести частях с эпилогом. – М.: Эксмо, 2011. – С. 448

⁷⁶Маканин В. С. Андеграунд, или Герой нашего времени. – М.: Эксмо, 2010. – С. 356-357.

⁷⁷Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: роман в шести частях с эпилогом. – М.: Эксмо, 2011. – С. 445

⁷⁸Маканин В. С. Андеграунд, или Герой нашего времени. – М.: Эксмо, 2010. – С. 130

⁷⁹Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: роман в шести частях с эпилогом. – М.: Эксмо, 2011. – С. 45

⁸⁰Васильева О.Н. Роман В.С. Маканина «Андеграунд или герой нашего времени» в диалоге с творчеством Ф.М. Достоевского (к проблеме интертекстуальности). [Электронный ресурс].

В результате содеянного, главный герой романа В. Маканина попадает в бомжатник, в котором встречает беспомощную и застенчивую Нату, являющуюся своеобразным прототипом Сони Мармеладовой. В образе Наты выражается скептическое отношение Маканина: героине «Преступления и наказания», вынужденной пойти по «желтому билету», автор иронически противопоставляет тридцатилетнюю девственницу. Петрович, как и Раскольников, испытывает потребность высказаться, рассказать о содеянном преступлении, но ему не удается этого сделать, ведь героиня Ната является полной противоположностью Сони Мармеладовой: «Еще несколько минут моих разговорных усилий, и выяснилось, что молодая женщина не умеет собеседника выслушать: не умеет услышать. Ее маленький ум не воспринимал чужую речь долго. Пять слов – не больше. То есть на каждую мою (на любую!) фразу Ната торопилась ответить. Что угодно – но в ответ»⁸¹.

Переключку с еще одним героем Достоевского, Иваном Карамазовым, рассуждавшим о вседозволенности, можно заметить в данном романе В. Маканина: «Если есть бессмертие, все позволено»⁸² (у Достоевского: «Если Бога нет, то все позволено... Нет бессмертия души, так нет и добродетели, значит, все позволено»⁸³).

Можно предполагать, что теория Петровича содержит в себе обратное значение мысли героя романа Ф.М. Достоевского. Петрович, переосмысливающий существующие в современном ему мире нравственные устои, схож в этом с Иваном Карамазовым, который также придерживался атеистическим убеждениям. Эти герои считают веру безосновательной и живут, не придерживаясь устаревших традиций.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-v-s-makanina-andegraund-ili-geroy-nashego-vremeni-v-dialoge-s-tvorchestvom-f-m-dostoevskogo-k-probleme-intertekstualnosti>. (дата обращения: 31.05.2018)

⁸¹Маканин В. С. Андеграунд, или Герой нашего времени. М.: Эксмо, 2010. С. 424.

⁸²Там же. – С. 217.

⁸³Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/1199/index.html> (дата обращения: 01.05.2018)

Главным принципом современного человека, в чём твёрдо уверен Петрович, является вседозволенность.

Обращаясь к вариации на тему претекста, В. Маканин отмечает неразрывную связь его романа с классической литературой, но в то же время автор всецело переосмысливает уроки классика Ф.М. Достоевского, в результате чего читатель может наблюдать появление новых, порой альтернативных первоначальным, смыслов.

В приведенных примерах из романов двух писателей необходимо отметить две совершенно разные по содержанию идеи – о неприемлемости убийства и его дозволенности. Таким образом, аллюзии, наслаиваясь друг на друга, образуют новый идейный пласт. Если для классической литературы, как известно, превыше всего вечные духовные ценности – непреходящие библейские заповеди, нерушимые нравственные идеалы, ориентиры на семью и любовь, то «В.С. Маканин как представитель постмодернизма сознательно отказывается от общепризнанных авторитетов, различного рода правил и ограничений, выработанных предшествующей культурной традицией»⁸⁴.

Подводя итоги анализу романа В. Маканина и его интертекстуальных включений, можно сделать вывод о том, что роман современного писателя во многом представляет собой мозаику, составленную из элементов, известных романов М.Ю. Лермонтова и Ф.М. Достоевского, что и было проиллюстрировано на примере романа «Андеграунд, или Герой нашего времени», который содержит многочисленные аллюзии, цитаты, пародии, а также вариации на тему претекста, отсылающие читателя к классической литературе. Однако поэтика интертекста у Маканина носит кризисный характер. Отношение писателя-постмодерниста к литературному творчеству классика, на наш взгляд, можно интерпретировать так: автор

---

⁸⁴Васильева О.Н. Роман В.С. Маканина «Андеграунд или герой нашего времени» в диалоге с творчеством Ф.М. Достоевского (к проблеме интертекстуальности). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-v-s-makanina-andegraund-ili-geroy-nashego-vremeni-v-dialoge-s-tvorchestvom-f-m-dostoevskogo-k-probleme-intertekstualnosti>. (дата обращения: 01.05.2018)

романа «Андеграунд, или герой нашего времени» квалифицирует интертекст как свободу. Через повествователя – Петровича – автор романа пытается развенчать ценностные ориентиры Достоевского и его героев. В своём исследовании О.Н. Васильева называет роман «Андеграунд» «романом-провокацией». Интертекст, связанный с кризисным мировоззрением, провоцирует читателя на острую реакцию. В его сознании с помощью различных форм интертекста через отрицание, через кощунство, через пренебрежение таких героев, как Петрович, неминуемо встает вопрос: остаться ли верным веками устоявшимся нравственным нормам или последовать за ложными и призрачными ценностями.

2.2. Аллюзии и реминисценции в романе Л. Улицкой «Медея и её дети»

Роман Людмилы Улицкой «Медея и дети», на наш взгляд, можно назвать сенсационным среди произведений русской литературы конца XX века. В данном произведении читатель сталкивается с катаклизмами мировых войн, революций, социальных экспериментов и размышляет вместе с автором о вечных нравственных ценностях.

Исходя из названия произведения становится ясно, что за основу его Улицкой был взят древнегреческая миф. У понятия «миф» (от лат. Mythos) в науке есть несколько значений: «слово», «сказ», «сказание», «разговор», «указание», «замысел», «речь», «беседа», «план», «известие», «басня», «вымысел»⁸⁵. Современная мировая литература представляет для писателя и читателя неисчерпаемый источник с сюжетов, образов и проблематики, но особая популярность и востребованность принадлежит мифу.

В одном из предисловий к своей книге Улицкая пишет: «Это вывернутый наизнанку миф о неистовой колхидской царевне Медее, это роман не о страсти, а о тихой любви, не об огненной мести, а о великодушии

---

⁸⁵Осадченко Ю.С., Дмитриева Л.В. Введение в философию мифа. – М.: 1994. – С. 13.

и милосердии, которые совершаются в тех же самых декорациях на крымском берегу...»⁸⁶. Интертекстуальность в прозе Л. Улицкой исследователи её творчества объясняют тем, что автор творит «на стыке» реалистического и постмодернистского направления, где основным художественным приемом являются узнаваемость и повторяемость предшествующих текстов. Важным представляется выявление интертекстуальных связей с мифом в создании образа главной героини романа «Медея и ее дети» через сопоставление современной Медеи с античной, а также выявить, на каком из уровней повествования в романе проявляются реминисценции и аллюзии, основанные на мифе.

В заглавии произведения обнаруживается реминисценция на древнегреческий миф о Мееде и Ясоне. По сюжету, Афродита внушает любовь дочери царя Колхиды – Мееде, которая помогала аргонавтам преодолеть испытания. Однако, любовь эта носила трагический характер: Медея сбежала из Колхиды, предала своего отца, убила родного брата, отправившегося на её поиски, разбросала останки его тела по морю, чтобы пораженный горем отец прекратил погоню и начал собирать останки тела своего единственного сына для погребения. Когда же Ясон, после нескольких лет совместной с Меедой жизни, решает жениться на дочери коринфского царя Креонта Главке, Медея, ослепленная безумной ревностью, посылает Главке пропитанное ядом одеяние, а затем, с целью отмщения, убивает и совместных с Ясоном детей.

В описании внешности и характера современной Медеи есть античные черты, которые проявляются на уровне реминисценций. Медея с рождения носит греческое имя, в её облике много общих деталей с обликом античной богини: «высокая статная фигура, рыжие, словно воинственный шлем, густые волосы, «античные складки шали», «горделивая осанка», легкий шаг, классические черты сурового лица, немногословность,

---

⁸⁶Улицкая Л. Медея и ее дети. – М.: 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bookline.ru/book2390665.htm> (дата обращения: 12.03.2018)

величавость. Она будто бы свысока и с интересом наблюдает за происходящим внизу, оставаясь от всего этого в стороне»⁸⁷.

Медея является «последней чистопородной гречанкой в семье, поселившейся в незапамятные времена на родственных Элладе таврических берегах, <...> сохранившей приблизительно греческий язык»⁸⁸. В описании всей семьи современной Медеи заложен мифологический сюжет. Мать Медеи – Матильда – словно возрождая события мифа, сбежала из родного дома в Батуми ради грека Георгия Синопли.

В имени, в изображении внешности, в создании характера главной героини Л. Улицкая использует реминисценции из античной мифологии. Остальные же характеристики Медеи Мендес даются Л. Улицкой на уровне аллюзий, только намекающих на интертекстуальную связь с мифом в создании образа главной героини⁸⁹.

Окружающим людям современная героиня кажется божеством. Это не случайно, ведь она соответствует этой роли: помогает людям, работая в больнице, и даже много лет является «частью местного пейзажа»⁹⁰. Её именем даже назвали скалы при входе в бухту: «...и бухточки, и морские камни пережили множество имен, но в последние десятилетия их все чаще называли Медеиными»⁹¹. Медея Мендес живет в единстве и гармонии с природой, она тонко чувствует окружающий мир, знает море, как «деревенский житель знает свой лес: все повадки воды, ее переменчивость и постоянство, цвет, меняющийся с утра до вечера, с осени до весны, все ветры и течения вместе с их календарными сроками»⁹². Современная Медея,

---

⁸⁷Скокова Т.А. Интертекстуальность как способ создания образа главной героини в романе Л. Улицкой «Медея и её дети». [Электронный ресурс.] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnost-kak-sposob-sozdaniya-obraza-glavnoy-geroini-v-romane-l-ulitskoj-medeya-i-ee-deti> (дата обращения: 05.05.2018)

⁸⁸Улицкая Л. Медея и ее дети. – М.: 2007. [Электронный ресурс] URL: <http://www.bookline.ru/book2390665.htm> (дата обращения: 29.05.2018).

⁸⁹Скокова Т.А. Интертекстуальность как способ создания образа главной героини в романе Л. Улицкой «Медея и её дети». [Электронный ресурс.] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnost-kak-sposob-sozdaniya-obraza-glavnoy-geroini-v-romane-l-ulitskoj-medeya-i-ee-deti> (дата обращения: 22.05.2018)

⁹⁰Там же.

⁹¹Улицкая Л. Медея и ее дети. – М.: 2007. [Электронный ресурс] URL: <http://www.bookline.ru/book2390665.htm> (дата обращения: 06.05.2018).

⁹²Там же.

как бы обладая особым даром, может вступать в контакт с природой и основными ее материями, что также сближает её с античными героями, в частности, с мифической Медеей. Л. Улицкая в своем романе подчеркивает эти способности героини.

Чудесные способности двух героинь можно сравнить: известно, сто античная Медея была волшебницей, а современная Медея обладает способностью видеть ночью, также у нее есть дар ясновидения: «вся округа, ближняя и дальняя, была известна ей, как содержимое собственного буфета. Она не только помнила, где и когда можно взять нужное растение, но и отмечала про себя, как с десятилетиями медленно меняется зеленая одежда»⁹³. В детстве Медея Л. Улицкой нашла так называемое «ведьмино кольцо» из девятнадцати некрупных, совершенно одинаковых по размеру грибов с бледновато-зелеными шляпками <...> Венцом же ее находок <...> был плоский золотой перстень с помутневшим аквамаринном, выброшенный к ее ногам после шторма морем на маленьком пляже возле Коктебеля двадцатого августа шестнадцатого года, в день ее шестнадцатилетия»⁹⁴. Автор, на наш взгляд, неспроста упоминает о «ведьмином кольце» и перстне ко дню рождения, полученными в дар от самой природы – это подтверждают магическую основу образа Медеи. Также необходимо учитывать, что в любой мифе чудо является одним из главных сюжетобразующих элементов, соответственно и сходства двух сравниваемых героинь очевидны.

Помимо внешнего сходства и наличия сверхъестественных способностей, современной Медее свойственно и мифологическое мышление. Это можно проследить в описании строгого соблюдения семейных традиций: приема пищи взрослыми и детьми за разными столами, запрета подходить к колодцу после заката. Жизнь Медеи устроена циклично. Зимой проводит она в одиночестве, тогда как весной, традиционно

---

⁹³Там же.

⁹⁴Там же.

к ней приезжают родные. Таким образом, внешний облик, греческое происхождение, специфические черты характера, необыкновенные способности, особый тип мышления сближают двух героинь разных литературных эпох.

Но есть в образе современной Медеи и существенное отличие от мифологической: она несет своими поступками не разрушительное, а, наоборот, созидательное начало: каждый год она старается собрать вокруг себя многочисленную семью с братьями, сестрами и их детьми, является центром их жизни. Кроме того, члены семьи также желают пожить некоторое время с Медеей, чтобы насладиться душевными разговорами. Таким образом автор словно пытается оградить свою героиню от одиночества и полного непонимания окружающих, которое преследовало и мучало в течение всей жизни античную Медею. В самом названии романа «Медея и ее дети» Л. Улицкая указывает на связь своей героини с семьей и детьми. Однако, заглавие романа можно истолковать по-разному. В первом значении, как упоминалось ранее, автор указывает на причастность Медеи к семье, детям: героиня, работает фельдшером в больнице, много лет помогает женщинам в родах, способствует появлению на свет новой жизни. Кроме этого, она воспитывает и заботится о детях своих братьев и сестер, испытывая к ним «живой интерес, который к старости даже усиливался»⁹⁵. Во втором же значении заглавия местоимение «её» можно истолковать как наличие у Медеи самого главного качества для любой женщины – любви к детям. Медея Улицкой, в отличие от мифической, не может иметь детей, соответственно, она заранее лишена возможности совершить грех детоубийства, как в мифе. Медея в современном мире является матерью всего семейства, своеобразным семейным центром. «Медея как центр семейного мира – символ ее прочности, вечности, непоколебимости чужим миром»⁹⁶. В произведении Л. Улицкая сравнивает свою героиню с могучим

---

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Сергеева Ю.А. Феномен диалога в романе Л. Улицкой «Медея и ее дети» // Русский язык. – С. 138.

деревом, древом жизни: «... жизнь, которая сама по себе стремительно и бурно менялась, <...> придала в конце концов Медее прочность дерева, вплетшего корни в каменистую почву, под неизменным солнцем...»⁹⁷.

Смыслом жизни современной Медеи является помощь людям. Для каждого из членов её семьи – Самуила, братьев и сестёр, которые остались на её попечении после смерти родителей, друзей – она является «чудесным помощником», «своевременной помощью»⁹⁸, способствующей разрешению самых важных жизненных вопросов. Улицкая противопоставляет свою героиню античной: помощь древнегреческой Медеи Ясону привела к разрушению семьи, а следом и к убийству невинных людей; у современной же Медеи забота и помощь близким становится созидающим началом, объединяющим огромную семью, что помогает привести всё к порядку, цельности и благополучию. Героиня помогает окружающим её людям избежать хаоса, где человек испытывает неуверенность в своем существовании и ощущает одиночество.

Образ современной Медеи обращён к добру и свету. У неё, в отличие от героини мифа, отсутствуют такие качества, как варварство, мстительность, безумная страсть. Медея Мендес «прожила всю жизнь женой одного мужа и продолжала жить его вдовой», «она никогда не могла понять этого недостижимого для нее закона <...> сиюминутного желания, каприза или страсти»⁹⁹. Может, именно поэтому измена мужа современной Медеи не является кульминационным моментом, в отличие от античного мифа, где Ясон стал причиной слома всей жизни античной героини и последующего убийства детей. Измена в романе Л. Улицкой с родной сестрой героини Сандрочкой раскрывается лишь много лет спустя после смерти мужа. Несомненно, осознание двойного предательства – мужа и любимой сестры – воспринималось героиней не легко: Медея «мужем <...>

---

⁹⁷ Улицкая Л. Медея и ее дети. – М.: 2007. [Электронный ресурс] URL: <http://www.bookline.ru/book2390665.htm> (дата обращения: 06.05.2018).

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

была оскорблена, сестрой предана, поругана даже самой судьбой»¹⁰⁰. Но героиня смогла найти в себе силы простить их и наполнить сердце Божественным светом в ташкентской церкви. Нельзя не согласиться с мнением исследователя Т. А. Скоковой о том, что «христианская, гуманистическая концепция всего романа Л. Улицкой о любви к ближнему и помощи страждущему отличается от концепции любви-страсти и мести античного мифа»¹⁰¹.

Забота героини распространялась не только на её семью, она также помогала окружающим. Однажды она помогла укрыться татарину Равилю Юсупову от местных властей. Всю жизнь Медея живёт, строго соблюдая церковные законы: никого не обижая и не держа ни на кого обиды, молится, соблюдает посты. Она каждый день «бормотала коротенькое утреннее правило из совершенно стершихся молитвенных слов, которые, невзирая на их изношенность, неведомым образом помогали ей в том, о чем она просила: принять новый день с его трудами, огорчениями, чужими пустыми разговорами и вечерней усталостью, дожить до вечера радостно, ни на кого не гневаясь и не обижаясь»¹⁰². Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что жизненные принципы и установки Медеи Мендес противопоставляются автором античной Медее, а прием интертекстуальности образа героини позволяет автору вступить в своеобразный диалог с античной историей о Медее.

Интертекстуальность в романе Людмилы Улицкой «Медея и её дети» является средством создания образа главной героини на разных уровнях повествования. Реминисценции обнаруживаются в имени, описании внешности, повествовании о характере и поведении Медеи Мендес. Аллюзии же проявляются в сопоставлении героини с античной богиней,

---

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Скокова Т.А. Интертекстуальность как способ создания образа главной героини в романе Л. Улицкой «Медея и её дети». [Электронный ресурс.] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnost-kak-sposob-sozdaniya-obraza-glavnoy-geroini-v-romane-l-ulitskoj-medeya-i-ee-deti> (дата обращения: 22.05.2018).

¹⁰² Улицкая Л. Медея и её дети. – М.: 2007. [Электронный ресурс] URL: <http://www.bookline.ru/book2390665.htm> (дата обращения: 06.05.2018).

обнаружении в ней чудесных способностей, мифологического мышления и восприятие Медеи своим родственниками как «чудесного помощника».

Обращение Л. Улицкой к мифу и использование интертекстуальных связей с античными сказаниями при создании образа Медеи помогают автору размышлять на страницах своего романа о вечных человеческих ценностях. Л. Улицкая «утверждает незыблемость моральных канонов и этических норм, одинаково значимых для каждой исторической эпохи»¹⁰³.

2.3. Особенности интертекста в прозе Бориса Акунина

Произведения известного современного писателя, эссеиста, литературного переводчика Бориса Акунина (настоящее имя которого – Григорий Шалвович Чхартишвили) представляют особый интерес для многих современных исследователей литературы, среди которых можно отметить работы Н. Алексеева («Русско-японский сыщик»), П. Басинского («Штиль в стакане воды»), В. Пригодича («Круче, чем Умберто Эко»), М. Трофименкова («Дело Акунина»), О. Китаевой («Детективы о прекрасном XIX веке»). Однако, с точки зрения использования интертекста творчество писателя исследовано не так обширно.

Творчество Б. Акунина, построенное на использовании интертекста, предполагает «образование некоего историко-культурного контекста вокруг себя, появление ореола мифологем, образов и символов, возникающих в литературном опыте читателя»¹⁰⁴. Примером реализации исторического контекста и использования интертекстов литературы и истории XIX века служит один из первых романов, изданных под псевдонимом Бориса Акунина – «Азазель» (1998), в котором автор описывает действительность 1876 года глазами современного человека.

---

¹⁰³Скокова Т.А. Интертекстуальность как способ создания образа главной героини в романе Л. Улицкой «Медея и её дети». [Электронный ресурс.] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnost-kak-sposob-sozdaniya-obraza-glavnoy-geroini-v-romane-l-ulitskoj-medeya-i-ee-deti> (дата обращения: 22.05.2018).

¹⁰⁴Трускова Е.А. Гипертекст в эстетике современной русской литературы (на примере произведений Б. Акунина). // Вестник ЧГПУ. – Челябинск, 2010. – № 5. – С. 310.

Роман изобилует аллюзиями и цитатами из произведений Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского. Автор вступает в диалог с классикой, преображая и по-своему интерпретируя классические произведения.

Имена главных героев романа – Эраста и Лизы отсылают читателя в эпоху сентиментализма, к творчеству Н.М. Карамзина и его знаменитой «Бедной Лизе». Героиня Акунина имеет как внешние, так и внутренние сходства с Лизой Карамзина: «... Светловолосая, с очаровательно покрасневшимся личиком»; «...Ее серые глаза с живейшим любопытством воззрились на молодого чиновника»¹⁰⁵, то есть автор рисует типичный образ наивной девушки, характерный для литературы XIX века. Своего Эраста Акунин также описывает очень подробно, акцентируя внимание читателя на определенных особенностях внешности героя, характерных для эпохи сентиментализма: «длинные девичьи ресницы»; «миловидный юноша, с черными волосами (...) и голубыми глазами, довольно высокого роста, с белой кожей и проклятым, неисправимым румянцем на щеках»¹⁰⁶. Интерес представляет также еще одна общая художественная деталь произведений: символика цветов. Лиза Карамзина продаёт ландыши, которые, как известно, являются символом нравственной чистоты, жизни, любви¹⁰⁷. Эти цветы она дарит своему возлюбленному, словно отдавая ему своё сердце, а после предательства любимого бросает букет в реку, в водах которых в скором времени сама погибает. Акунин же для своей героини выбирает другой цветок – фиалку, которая, в свою очередь, является цветком печали, которым украшали смертное ложе молодых девушек¹⁰⁸. Эраст хочет подарить любимой этот цветок, в итоге «дарит» ей смерть: Лиза открывает шкатулку, которая предназначалась Эрасту и срабатывает взрывчатка.

Трансформации в произведении Акунина подвергается и знаменитый сюжет произведения А.С. Пушкина – «Пиковая дама». Как и главному

---

¹⁰⁵ Акунин Б. Азazelь. – М.: Захаров, 2002. – С. 35.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Золотницкий Н.Ф. Цветы в легендах и преданиях. – Киев, 1994. – С. 63–64.

¹⁰⁸ Там же.

герою Пушкина, Германну, Эрсту Акунина не приходилось брать в руки карты, но приходилось наблюдать за игрой, а в судьбоносной игре им выпадают по три «решающие» карты: дама пик – Германну, пиковый валет – Эрсту, который, в отличие от пушкинского героя, переносит поражение с хладнокровием и стойкостью.

Характерными являются и некоторые аллюзии, обращенные к произведениям Ф.М. Достоевского в романе «Азазель», к творчеству которого не раз обращался Акунин в своих произведениях. Жилище Эрста Фандорина очень напоминает каморку-гроб Раскольникова: «Пристав оглядел щелеобразную каморку, где квартировал коллежский регистратор.

Узелок с гостинцами положить было некуда: на диване лежал хозяин, на стуле сидел сам Ксаверий Теофилактович, на столе громоздились книжки. Другой мебели в комнате не имелось, даже шкафа – многочисленные предметы гардероба висели на вбитых в стены гвоздях»¹⁰⁹. Сближает героев также и описание состояния после совершенного «пре-ступления» (старухи-процентщицы Раскольниковым и выстрела в Амалию Бежецкую Фандориным), и символика желтого цвета (цвета болезни, уныния по Достоевскому): «Желтый луч через щель в шторах рубит конурёнку надвое, рассекает до самой кровати, где мечется в холодном поту одолеваемый кошмаром Фандорин»¹¹⁰. Наполеоновская теория Раскольникова также находит своё отражение в романе, но уже в устах другой героини – мадам Эстер: «Я искренне сожалею о каждой из потерянных жизней. Но нельзя вычистить Авгиевы конюшни, не замаравшись. Один погибший спасет тысячу, миллион других людей»¹¹¹. Кроме того, в романе прослеживаются аллюзии и с романом «Идиот»: главные герои знакомятся сначала с портретами (князь Мышкин с портретом Настасьи Филипповны, Эрст – Амалии Бежецкой), по которым могут определить ведущие черты характера

---

¹⁰⁹ Акунин Б. Азазель. – М.: Захаров, 2002. – С. 64.

¹¹⁰ Там же. – С. 133.

¹¹¹ Там же. – С. 198.

героинь, а затем и лично с героинями. Так, Эраст, смотря на портрет Бежецкой замечает следующее: «Лицо на портрете было настолько примечательным (...) вполоборота смотрела на Эраста пышноволосяя Клеопатра с огромными матово-черными глазами, гордым изгибом высокой шеи и чуть прорисованной жесточинкой в своенравной линии рта»¹¹², а князь Мышкин Достоевского: «необыкновенной красоты женщина, глаза глубокие, лоб задумчивый, выражение лица страстное и как бы высокомерное»¹¹³. И, если в описании внешности Эраста угадываются сходства с сентиментализмом и Эрастом Карамзина, то характером акунинский герой больше походит на самого князя Мышкина: он милосерден, пытается помочь другим, чист душой и несчастен в личной жизни.

В заглавии многих произведений или названий глав у Акунина начинается своеобразная авторская игра с интеллектуальным багажом читателя, так называемая «проверка» начитанности аудитории.

Интертекстуальность в творчестве Б. Акунина проявляется разнообразно, она ориентирована как на неискушенного, так и на читателя с большим литературным багажом. Особый интерес в данном случае представляет произведение «Внеклассное чтение», все главы которого являются интертекстуальными. К примеру, название главы «Амур и Психея» отсылает читателей к мифологии, содержание же указывает на отсылки к повести известного баснописца Жана де Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона», или, к поэме «Душенька» русского писателя Ф.И. Богдановича, написанной под впечатлением от прочтения произведения Лафонтена. Название главы «Утраченный рай» рисует перед читателем знаменитый библейский сюжет, в котором описывается изгнание из рая Адама и Евы. Следующие названия глав являются отсылкой к знаменитым литературным сюжетам как русской, так и зарубежной классики: «Бригадир»

---

¹¹² Там же. – С. 21.

¹¹³ Достоевский Ф.М. Идиот. – М., 1997. – С. 38.

(известнейшая комедия эпохи классицизма Д.И. Фонвизина), «Коварство и любовь» (драма Ф. Шиллера), «Опасные связи» (роман Ш. де Лакло), «Солнечный удар» (знаменитый рассказ И.А. Бунина), «Много шума из-за ничего» (комедия В. Шекспира), «Отцы и дети» (роман И.С. Тургенева).

Исходя из названий глав романа «Внеклассное чтение» можно сделать вывод о том, что названия этих глав не только входят в состав произведения, но и обретают индивидуальное звучание и являются самостоятельными реминисценциями. Соответственно изменяется и роль читателя, который, читая произведение уже не чувствует себя лишь реципиентом, то есть «по ту сторону» литературного процесса, а начинает осознавать свою «сопричастность» и «посвященность». Именно благодаря пониманию интертекстуальности произведения читателем оно способно трансформироваться в многомерное, объемное художественное пространство, связывающее несколько эпох.

Говоря об интертекстуальности прозы Б. Акунина нельзя не отметить и пьесу «Чайка», которая, по словам исследователя В.В. Макаровой, «является для нас ступенью к пониманию закономерностей функционирования бессмертной «Чайки» А.П. Чехова в контексте современного литературного процесса»¹¹⁴. Примечательным является не только название и сюжет произведения Акунина, отличающийся поразительным сходством с пьесой А.П. Чехова, но и его публикация под одной обложкой с творением классика. Неоспорим и тот факт, что произведение Акунина несет экспериментальный характер, ведь именно в «Чайке» «концентрация «постмодернистских» приемов достигла критической величины»¹¹⁵. Автор практически дословно переписывает конец пьесы Чехова, начиная с последнего разговора Треплева и Нины и заканчивая самоубийством сына Аркадиной. Далее прослеживается и

---

¹¹⁴Макарова В.В. Комедия Б. Акунина «Чайка» в контексте историко-функционального изучения. // ВБГУ. – 2011. – № 10. – С. 171.

¹¹⁵Там же. – С. 172.

акунинский текст: выясняется, что Треплев не застрелился, а его убили. В данном случае «интертекст обещает читателю какую-то истину и одновременно, постепенно разворачиваясь на письме, откладывает её обнаружение»¹¹⁶.

Первое действие современной «Чайки», по замыслу автора, представляет собой пятое (несуществующее) действие исходного текста Чехова, а так называемые дубли второго действия представляют читателю множество возможных вариантов развития сюжета и концовки пьесы. В начале пьесы Дорн произносит фразу: «Константина Гавриловича мог убить любой из нас»¹¹⁷, затем заявляет, что поведет расследование. Второе же действия пьесы состоит из восьми дублей, каждый из которых начинается одной и той же фразой Дорна после боя часов: «Отстают. Сейчас семь минут десятого. Итак, дамы и господа, все участники драмы на месте. Один — или одна из нас — убийца. Давайте разбираться»¹¹⁸.

Таким образом, автор не только включает детективные элементы в повествование, но увеличивает число ремарок, эмоциональную экспрессию заимствованных героев:

«Чайка» А.П. Чехова	«Чайка» Б. Акунина
«Окликает»	«Окликает с угрозой»
«Возвращается с Ниной Заречной»	«Возвращается, волоча за руку Нину Заречную»
«Нина кладёт ему голову на грудь и сдержанно рыдает»	«Нина кладёт ему голову на грудь и испуганно всхлипывает, косясь на револьвер».

В ходе повествования читатель узнаёт, что убить Треплева имел возможность каждый из героев пьесы, включая самого Дорна. В

¹¹⁶ Там же. – С. 173.

¹¹⁷ Акунин, Б. Чайка / Б. Акунин [Текст] // Новый мир. 2000. №4. - С.43.

¹¹⁸ Там же. – С. 50.

произведение классика современный автор вносит новые смыслы: сравнивая жизненные этапы человека, которые повторяются до мельчайших деталей. Нельзя не согласиться со словами исследователя Е.П. Красильниковой о том, что «драма Б. Акунина – это и вольное дописывание пьесы А.П. Чехова, и учет его комедиографии как единого художественного пространства, и драматургическая фантазия на Чеховские темы, и игра, импровизация в самом произведении»¹¹⁹.

Таким образом, на примере рассмотренных нами произведений Бориса Акунина можно сделать вывод о том, что приёмы интертекстуальности занимают значительное место в творчестве автора. Акунин прибегает к таким способам, как цитирование, аллюзии, а также заимствование с последующей интерпретацией.

---

¹¹⁹Красильникова Е.П. Жанровый аспект интертекстуальных связей пьес Б. Акунина и А.П. Чехова «Чайка». [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovyyu-aspekt-intertekstualnyh-svyazey-pies-b-akunina-i-a-p-chehova-chayka> (дата обращения: 06.09.2019)

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Одной из важных особенностей развития современного литературного процесса можно назвать интертекстуальное взаимодействие текстов. Современные писатели нередко обращаются к реминисценциям и аллюзиям, интертекстуальным связям с классическими произведениями предыдущих эпох, античным мифам и легендам, библейским сказаниям. Как отмечала исследователь Т.А. Скокова, «литературный постмодернизм использует «вечные» тексты, чтобы, во-первых, создать определенное игровое пространство между текстом и читателем, и, во-вторых, использование прозрачных намеков и угадываемых отсылок к предыдущим произведениям позволяет и самому читателю вступить в диалог с культурой и, таким образом, убедиться в своей начитанности и интеллектуальной компетентности»¹²⁰. Можно сделать вывод о том, что данная своеобразная литературная игра с читателем является одной из важнейших составляющих популярности произведений.

В.С. Маканин на страницах своего романа «Андеграунд, или герой нашего времени», создаёт колорит современной ему эпохи, прибегая к использованию интертекстуальных включений из известнейших классических произведений. В своих интервью писатель не раз подчеркивал наличие переключки в его произведениях с классикой XIX века, в том числе и в романе «Андеграунд, или герой нашего времени», который содержит многочисленные аллюзии, цитаты, пародии, а также вариации на тему претекста, отсылающие читателя к классической литературе.

Л. Улицкая в своём романе «Медея и её дети» создаёт образ совершенно иной главной героини, противоположной привычной читателю античной Медеи. Её героиня несёт созидательное начало, автор сравнивает свою Медею с деревом жизни, рисуя перед читателем исключительно

---

¹²⁰Скокова Т.А. Интертекстуальность как способ создания образа главной героини в романе Л. Улицкой «Медея и её дети». [Электронный ресурс.] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnost-kak-sposob-sozdaniya-obraza-glavnoy-geroini-v-romane-l-ulitskoj-medeya-i-ee-deti> (дата обращения: 22.05.2018).

великодушную и положительную героиню, словно размышляя о вечных и незыблемых ценностях вместе с читателями на страницах своего произведения.

Проза Б. Акунина, как показало наше исследование, изобилует интертекстуальными включениями, а в его комедии «Чайка», получившей большой общественный резонанс после издания, использование интертекста достигает своего апогея. Приемы, к которым прибегает автор в своем творчестве, помогают воссоздать колорит эпохи, более ёмко описать героев, их эмоциональное состояние, «проверить» начитанность своей аудитории. В своём романе «Азазель» автор обращается к творчеству сразу трёх великих русских классиков, при этом не лишая произведения индивидуальности и оригинальности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что изучение интертекстуальных взаимодействий в произведениях современной литературы позволяет проследить закономерности трансформации классических произведений и выявить точку зрения современников на различные исторические события.

ГЛАВА III. Методический аспект изучения современной литературы в высших образовательных учреждениях

3.1. Модель методической системы изучения современной литературы в ВОУ с применением технологии развития критического мышления через чтение и письмо

Тема занятия: Понятие об интертекстуальности. Роман Л. Улицкой «Медея и её дети».

Цель занятия: познакомить студентов с понятиями «интертекст» и «интертекстуальность», раскрыть типы «интертекстуальных включений» в текст, проанализировать произведение Л. Улицкой «Медея и её дети».

План:

1. Понятие интертекста и интертекстуальности, типы «интертекстуальных включений».
2. Анализ романа Л. Улицкой «Медея и её дети».
3. Упражнения на аргументацию фактов.
4. Сопоставление героини романа с античным прототипом.
5. Подведение итогов занятия.

На первом этапе занятия – стадии «Вызова» – студенты ознакомились с темой занятия, его целями и задачами. Применяется стратегический прием ЗХУ – технологии РКМЧП (Приложение 1.). Студенты заполняют первую колонку таблицы «ЗХУ»: знаю – хочу узнать – узнал (рис. 3.1.1.). После обсуждения полученных результатов в аудитории студенты сами формулируют цель занятия, отвечая на вопрос о том, что хотели бы узнать. Для устранения пробелов в собственных знаниях студенты заполняют вторую графу таблицы «ЗХУ».

Таблица ЗХУ

<i>Знаю</i>	<i>Хочу знать</i>	<i>Узнал(а)</i>

Рисунок 3.1.1. Таблица «ЗХУ».

На втором этапе занятия студенты осмысливают теоретический материал по теме «Понятие интертекстуальности».

Вариант информации преподавателя.

К концу XX – началу XXI века в литературе под влиянием постмодернистских тенденций появляется много инновационных направлений в сфере исследования художественного дискурса. Именно в этот период развития художественной литературы появляется новый термин – «интертекст» или «интертекстуальность», введенный Кристевой для обозначения спектра межтекстуальных отношений, означающий, что любой текст всегда является составной частью широкого культурного текста. Таким образом, интертекстуальность принято считать основным видом и способом «...построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма, состоящий в том, что текст строится из цитат и реминисценций к другим текстам»¹²¹.

Отправной точкой для построения современной теории межтекстовых связей явились идеи М. М. Бахтина о «чужом» слове и

¹²¹Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/rudnev_vadim/slovar_kulturi_XX_veka.html (дата обращения: 14.11.2018)

«диалогичности», под влиянием которых французская исследовательница семиотики Ю. Кристева в 1967 г. ввела в обращение понятие интертекста.

Исследователей издавна интересовала проблема исходных сюжетов, наблюдаемая в текстах у разных народов. К примеру, в разных культурах встречается сюжет о бое отца с неизвестным ему сыном: в античном эпосе – бой Одиссея с Телегоном (сыном Одиссея, поехавшим на розыски отца), в германском эпосе – Гильдебранда с Гадубрандом, в иранском эпосе – Рустама с Сохрабом, в русском эпосе – Муромца с Сокольников. Известный сюжет, в котором царь превращается в нищего, а после долгих испытаний снова обретает прежний статус и положение, есть и у индийцев, и в римских сказаниях, и в украинских и русских сказках. Сюжеты о докторе Фаусте и Доне Жуане переходят от автора к автору в течение нескольких столетий.

Интертекстуальность можно рассматривать с точки зрения её нескольких типов (приёмов): цитирования, аллюзии, реминисценции.

Цитирование – важный прием создания художественного текста. Включение писателем в свое произведение элементов других текстов позволяет говорить об игровом начале интертекстуальности: читателю предстоит заняться увлекательной деятельностью в процессе прочтения художественного текста – разгадать своеобразную головоломку, распознав цитаты, определив их источник и раскрыв их функцию в данном тексте. Узнавание «голоса» другого текста в художественном произведении зависит непосредственно от личности читателя, уровня его тезауруса, окружающей его действительности. Кроме того, узнаванию способствуют комментарии редактора, примечания самого писателя или же графические средства выделения текста, которые применяются автором и редактором для того, чтобы обратить внимание читателя на определенный момент в тексте.

Существует множество примеров интертекстуальности как в классической, так и в современной литературе, как в поэзии, так и в прозе.

Разные приемы интертекста в значительной степени являются элементом самовыражения автора. Самым распространенным примером цитирования, пожалуй, можно назвать известные строки А.С. Пушкина из стихотворения «К ***» (1825):

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.*

Однако, не всем известно, что последняя фраза данного четверостишья заимствована из стихотворения В.А. Жуковского «Лалла Рук» (1821):

*Ах! не с нами обитает
Гений чистой красоты;
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты...*

Необходимо отметить, что в произведении Пушкина данная цитата обрела новый смысл и была использована очень органично в новом контексте.

Стихотворение Н.А. Некрасова также нашло своё отражение в приёмах интертекстуальности у А.П. Чехова:

❖ *Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно.
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано... (Н.А. Некрасов, «Рыцарь на час»,
1863)*

❖ *Вы умны, благородны, с молоком матери всосали благие порывы,
но едва вступили в жизнь, как утомились, заболели (А. П. Чехов,
«Палата № 6», гл. 18. 1892).*

Интертекст играет немаловажную роль в семантико-стилистическом обогащении художественного произведения и его интерпретации, поскольку «основу текста составляет не его внутренняя,

закрытая структура, поддающаяся исчерпывающему изучению, а его выход в другие тексты, другие коды, другие знаки»¹²². Исследование художественного текста с позиции теории интертекстуальности дает новые возможности в постижении языковой картины мира писателя, его идиостиля, места произведения в мире художественной литературы.

Цитата – это воспроизведение в тексте одного и более компонентов чужого текста. Цитата активно нацелена на узнавание. Наиболее чистой формой цитаты можно считать цитаты с точной атрибуцией и тождественным воспроизведением образца. Например, в одной из своих статей К.П. Сидоренко использует цитату из стихотворения Пушкина, где однозначно указан автор цитируемых строк, а прецедентное высказывание заключено в кавычки: «Ненастный день потух»: проблемы Пушкинского образования»¹²³.

Аллюзия – это стилистическая фигура, в которой содержится указание, намек или аналогия на какой-либо исторический, мифологический, политический или литературный факт, имеющий устойчивое значение в каком-либо тексте или разговорной речи. Примерами аллюзий можно считать и фразеологизмы: Авгиевы конюшни, Ахиллесова пята и др. Они не только являются атрибутами греческих мифов, но давно уже используются как отдельные стилистические фигуры.

Еще одним характерным примером аллюзии может служить тема памятника в литературе, к которой неоднократно обращались многие авторы:

- У М.В. Ломоносова: «Я знак бессмертия себе воздвигнул / Превыше пирамид и крепче меди»;
- У Г.Р. Державина: «Я памятник воздвиг чудесный, вечный / Металлов твёрже он и выше пирамид»;

---

¹²²Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1998. – С. 424.

¹²³Сидоренко К.П. Интертекстовые связи пушкинского слова / Рос. гос. пед. университет им. А.И. Герцена. СПб., 1999. – С. 11.

- У В.В. Капниста: «Я памятник себе воздвигнул долговечной, / Превыше пирамид и крепче меди он»;
- У А.С. Пушкина: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный, / К нему не зарастет народная тропа»;
- У А.А. Фета: «Воздвиг я памятник вечнее меди прочной, / И зданий царственных превыше пирамид».

Реминисценция - это образы литературы в литературе, неявные или подтекстовые цитаты. Реминисценция замечается, только если читатель замечает сходство и проводит задуманную автором аналогию. То есть интеллект читателя и автора должны быть примерно одинаковыми. Иначе читатель или не заметит, или воспримет ее как некую непонятную головоломку.

По своей природе реминисценция всегда вторична, но способ реминисцирования носит интеллектуальный и творческий характер, что отличает ее от обыкновенного копирования или, тем более, плагиата.

Реминисценция как интертекстуальный приём чрезвычайно многообразна, именно поэтому исследователи выделяют несколько её уровней:

- образный уровень;
- ритмико-синтаксический уровень;
- лексический уровень.

Образный уровень реминисценции проявляется в заимствовании образов и персонажей одного автора у другого или целого ряда авторов. Сюда же можно отнести и понятие хронотопа, введенного М.М. Бахтиным. Ярким примером образной реминисценции может служить рассказ А.П. Чехова «Скрипка Ротшильда», главный герой которого – Яков Бронзе – сопоставляется с «Гробовщиком» А.С. Пушкина. Образ гробовщика заимствован Чеховым у Пушкина, однако сам Пушкин заимствует данный образ у Шекспира и Вальтера Скотта.

На ритмико-синтаксическом уровне реминисценции проявляются в размере, рифме, строфике, синтаксических конструкциях. О данном уровне можно говорить лишь в контексте лирического произведения, в силу неприменимости к эпическому тексту таких понятий, как размер, рифма и строфика.

Лексический уровень предполагает заимствование и употребление лексики и лексических средств одного автора другим. Ярким примером лексической реминисценции может считаться воспроизведение чужого заглавия: «Порт» – заглавие новеллы Набокова и Мопассана, «Отцы и дети», «Вешние воды» – заглавия у Хемингуэя и Тургенева, «Царскосельская статуя» - Пушкина и Ахматовой, а также «Маленькие трагедии» Пушкина.

Кроме этого теоретики выделяют и два вида реминисценции: эксплицитную, которая рассчитана на узнавание, и имплицитную – скрытую. Часто грань между этими видами реминисценции трудно уловима.

Употребление реминисценции имеет главную функцию – функцию напоминания. Читатель, не увидевший в художественном тексте ничего необычного, или увидевший, но не получивший ни малейшего представления, о чём автор ведёт свою речь, не поймет и не оценит этого своеобразного художественного средства. В современной литературе реминисценция используется довольно часто.

В соответствии с последними лингвистическими исследованиями, «интертекстуальность присутствует в каждом тексте, и каждый текст, в свою очередь, является интертекстом»¹²⁴. Любой текст, художественный или нет, существует в окружении других текстов, взаимодействует с ними, включает в себя следы предшествующих

---

¹²⁴Интертекстуальность в художественных текстах и особенности ее реализации. [Электронный ресурс]. URL: <https://bibliofond.ru/view.aspx?id=667219>. (дата обращения: 12.03.2018)

произведений и накладывает свой отпечаток на произведения других авторов. Нельзя не согласиться со словами польского ученого Станислава Ежи Леца: «Обо всем уже сказано. К счастью, не обо всем подумано»¹²⁵. Именно поэтому изучение интертекстуальности является актуальной задачей современных ученых, а материал исследования неисчерпаем.

На третьем этапе занятия студенты анализируют роман «Медея и её дети» Л. Улицкой.

Вариант информации преподавателя.

В основу сюжета романа Л. Улицкой положен древнегреческий миф о Мее. В науке существует несколько дефиниций понятия мифа: «слово», «сказ», «сказание», «разговор», «указание», «замысел», «речь», «беседа», «план», «известие», «басня», «вымысел»¹²⁶.

Современная мировая литература представляет для писателя и читателя неисчерпаемый источник с сюжетами, образами и проблематики, но особая популярность и востребованность принадлежит мифу.

В одном из предисловий к своей книге Улицкая пишет: «Это вывернутый наизнанку миф о неистовой колхидской царице Мее, это роман не о страсти, а о тихой любви, не об огненной мести, а о великодушии и милосердии, которые совершаются в тех же самых декорациях на крымском берегу...»¹²⁷.

В заглавии произведения обнаруживается реминисценция на древнегреческий миф о Мее и Ясоне. По сюжету, Афродита внушает любовь дочери царя Колхиды – Мее, которая помогала аргонавтам преодолеть испытания. Однако, любовь эта носила трагический характер: Медея сбежала из Колхиды, предала своего отца, убила родного брата, отправившегося на её поиски, разбросала останки его тела по морю, чтобы

---

125 Тименчик Р.Д. и др. Интертекстуальность. – [Электронный ресурс]. URL: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/81a2bdf0-dab0-e177-4fe3-e587d3d6d70c/1007707A.htm> (дата обращения: 12.03.2018)

126 Осадченко Ю.С., Дмитриева Л.В. Введение в философию мифа. – М.: 1994. – С. 13.

127 Улицкая Л. Медея и её дети. – М.: 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bookline.ru/book2390665.htm> (дата обращения: 12.03.2018)

пораженный горем отец прекратил погоню и начал собирать останки тела своего единственного сына для погребения. Когда же Ясон, после нескольких лет совместной с Медеей жизни, решает жениться на дочери коринфского царя Креонта Главке, Медея, ослепленная безумной ревностью, посылает Главке пропитанное ядом одеяние, а затем с целью отмщения убивает и совместных с Ясоном детей.

В описании внешности и характера современной Медеи есть античные черты, которые проявляются на уровне реминисценций. Медея с рождения носит греческое имя, в её облике много общих деталей с обликом античной богини: высокая статная фигура, рыжие, словно воинственный шлем, густые волосы, «античные складки шали», «горделивая осанка», легкий шаг, классические черты сурового лица, немногословность, величавость. Она будто бы свысока и с интересом наблюдает за происходящим внизу, оставаясь от всего этого в стороне¹²⁸.

В имени, в изображении внешности, в создании характера главной героини Л. Улицкая использует реминисценции из античной мифологии. Остальные же характеристики Медеи Мендес даются Л. Улицкой на уровне аллюзий, только намекающих на интертекстуальную связь с мифом в создании образа главной героини¹²⁹.

Окружающим людям современная героиня кажется божеством. Это не случайно, ведь она соответствует этой роли: помогает людям, работая в больнице, и даже много лет является «частью местного пейзажа»¹³⁰. Её именем даже назвали скалы при входе в бухту: «...и бухточки, и морские камни пережили множество имен, но в последние десятилетия их все чаще называли Медеиными»¹³¹.

---

¹²⁸ Скокова Т.А. Интертекстуальность как способ создания образа главной героини в романе Л. Улицкой «Медея и её дети». [Электронный ресурс.] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnost-kak-sposob-sozdaniya-obraza-glavnoy-geroini-v-romane-l-ulitskoj-medeya-i-ee-deti> (дата обращения: 05.05.2018)

¹²⁹ Скокова Т.А. Интертекстуальность как способ создания образа главной героини в романе Л. Улицкой «Медея и её дети». [Электронный ресурс.] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnost-kak-sposob-sozdaniya-obraza-glavnoy-geroini-v-romane-l-ulitskoj-medeya-i-ee-deti> (дата обращения: 22.05.2018)

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Улицкая Л. Медея и ее дети. – М.: 2007. [Электронный ресурс] URL: <http://www.bookline.ru/book2390665.htm> (дата обращения: 06.05.2018).

Медея Мендес живет в единстве и гармонии с природой, она тонко чувствует окружающий мир, знает море, как «деревенский житель знает свой лес: все повадки воды, ее переменчивость и постоянство, цвет, меняющийся с утра до вечера, с осени до весны, все ветры и течения вместе с их календарными сроками»¹³². Современная Медея, как бы обладая особым даром, может вступать в контакт с природой и основными ее материями, что также сближает её с античными героями, в частности, с мифической Медеей. Л. Улицкая в своем романе подчеркивает эти способности героини.

Образ современной Медеи обращён к добру и свету. У неё, в отличие от героини мифа, отсутствуют такие качества, как варварство, мстительность, безумная страсть. Медея Мендес «прожила всю жизнь женой одного мужа и продолжала жить его вдовой», «она никогда не могла понять этого недостижимого для нее закона <...> сиюминутного желания, каприза или страсти»¹³³. Может, именно поэтому измена мужа современной Медеи не является кульминационным моментом, в отличие от античного мифа, где Ясон стал причиной слома всей жизни античной героини и последующего убийства детей. Измена в романе Л. Улицкой с родной сестрой героини Сандрочкой раскрывается лишь много лет спустя после смерти мужа. Несомненно, осознание двойного предательства – мужа и любимой сестры – воспринималось героиней не легко: Медея «мужем <...> была оскорблена, сестрой предана, поругана даже самой судьбой»¹³⁴. Но героиня смогла найти в себе силы простить их и наполнить сердце Божественным светом в ташкентской церкви. Нельзя не согласиться с мнением исследователя Т. А. Скоковой о том, что «христианская, гуманистическая концепция всего романа Л. Улицкой о

---

¹³² Там же.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же.

любви к ближнему и помощи страждущему отличается от концепции любви-страсти и мести античного мифа»¹³⁵.

На четвертом этапе занятия организуется интерактивный режим третьей стадии технологии РКМЧП – стадия «Рефлексия». В аудитории применяется стратегический приём технологии РКМЧП - «Толстые и тонкие вопросы» – упражнения, нацеленные на аргументацию.

«Тонкие» вопросы	«Толстые» вопросы
Что такое интертекстуальность?	В чем смысл названия произведения Л. Улицкой «Медея и её дети»?
Кто и когда ввел понятие «интертекстуальность» в литературу?	В чем заключается главная трагедия жизни античной и современной Медеи?
Какие элементы интертекстуальности вам известны?	Почему античная Медея решилась на детоубийство?
Какие примеры использования интертекстуальности в литературе вы можете назвать?	Какова позиция современной Медеи в произведении Л. Улицкой?
Как называется исходный сюжет, взятый за основу написания новых произведений сразу несколькими авторами?	Какие особенности интертекста проявляются в произведении Л. Улицкой?
Имена каких античных авторов ассоциируются с трагедией «Медея»?	В чем главное отличие современной Медеи от античной?
Когда было написано произведение Л. Улицкой «Медея и её дети»?	С какой целью автор в современном произведении обращается к мифу?

¹³⁵Скокова Т.А. Интертекстуальность как способ создания образа главной героини в романе Л. Улицкой «Медея и её дети». [Электронный ресурс.] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnost-kak-sposob-sozdaniya-obraza-glavnoy-geroini-v-romane-l-ulitskoj-medeya-i-ee-deti> (дата обращения: 22.05.2018).

ДИАГРАММА ВЕННА

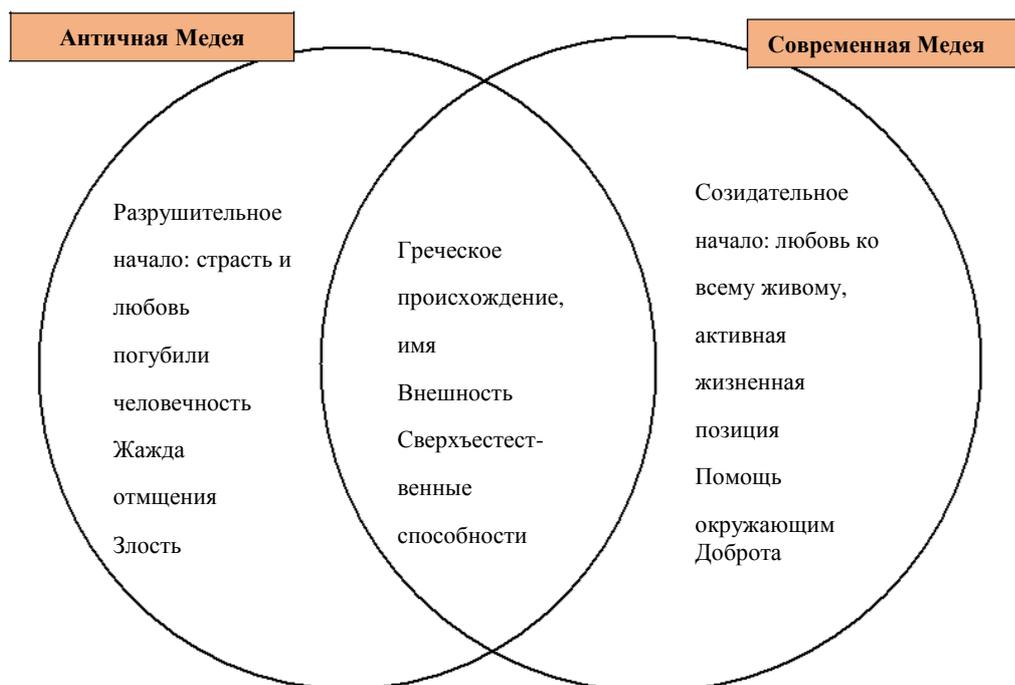

Рисунок 3.1.2. Диаграмма Венна.

На пятом этапе занятия студенты заполняют Диаграмму Венна (рис. 3.1.2.). В таблице представлено сравнение двух героинь – античной и современной.

Последний этап занятия по литературе предусматривает работу студентов над третьей колонкой стратегии ЗХУ – «узнал». Подведение итогов занятия.

3.2. Проведение экспериментальной проверки проблемы исследования и результаты

В ходе исследования нами была проведена опытно-экспериментальная диагностика знаний, умений и навыков студентов с целью выявления степени усвоения материала при использовании технологии развития критического мышления через чтение и письмо.

Опытно-экспериментальная проверка была проведена во время прохождения стажировки в Национальном университете Узбекистана

имени Мирзо Улугбека, в группе № 314, направления «Филология – русский язык и литература».

Студенты группы в соответствии с уровнем знаний были разделены на две группы: контрольную и экспериментальную.

На первом этапе занятия (стадии «Вызова») студентам обеих групп было предложено заполнить первые две колонки таблицы «ЗХУ» (рис. 3.1.1.) и ответить на вопрос о восприятии романа «Медея и её дети» Л. Улицкой.

Были выявлены следующие результаты, которые представлены на рисунке 3.2.1:

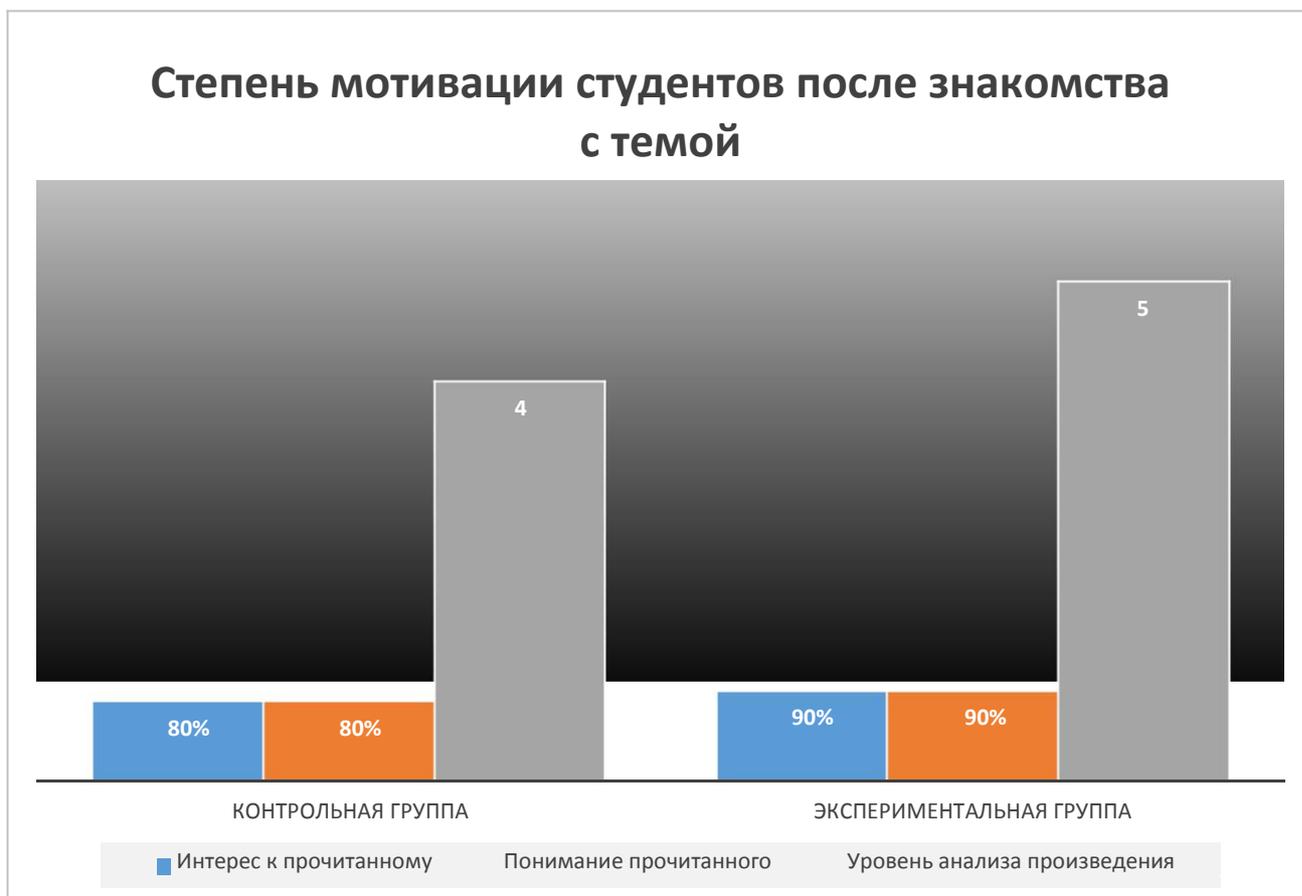

Рисунок 3.2.1.

На этапе «Осмысления» студенты познакомились с понятием интертекстуальности и её вариациями в художественных произведениях русской литературы, а также сравнили древнегреческий миф «Медея» и современным произведением «Медея и её дети» Л. Улицкой.

На стадии «Рефлексия» был проведён анализ произведения Л. Улицкой «Медея и её дети» с точки зрения интертекстуальности.

На этапе стратегии «Рефлексия» студентам были предложены «Тонкие» и «Толстые» вопросы по пройденному материалу с целью выявления умений и навыков анализа текста студентами в ВОУ.

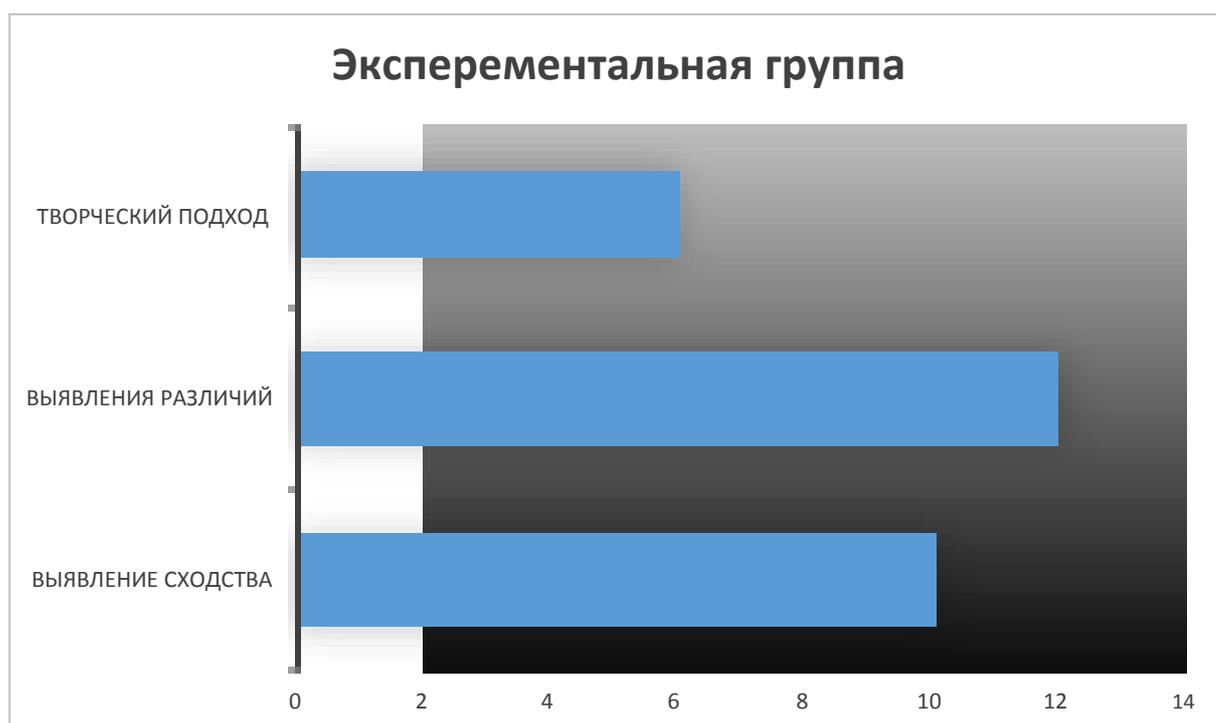
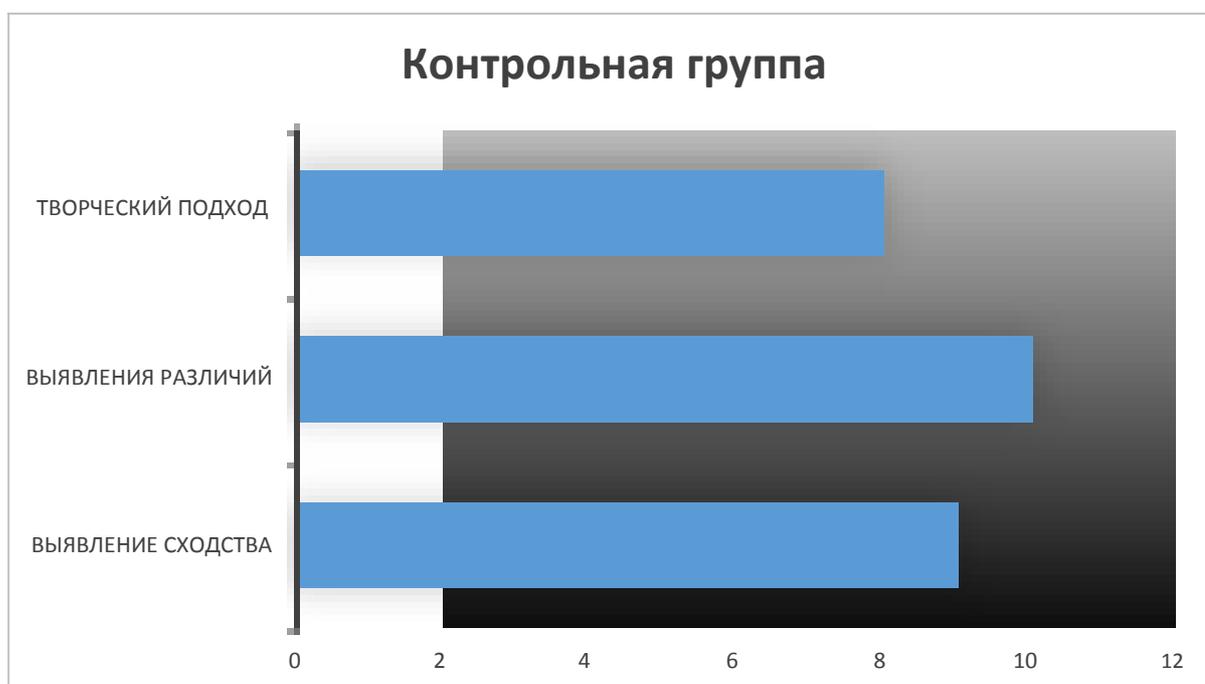

Рисунок 3.2.2.

Исходя из полученных результатов в конце занятия (представленных на рисунке 3.2.2.) можно сделать вывод о том, что после проведения эксперимента у студентов увеличился интерес к прочитанному произведению и его осмыслению в контексте «интертекстуальных включений».

На этапе стратегии «Рефлексии» студентам было предложено заполнить диаграмму Венна (рисунок 3.1.2) – сравнить двух героинь с целью проверки степени анализа студентами характера двух героинь разных эпох и осмысления их жизненной позиции. Работа студентов оценивалась

по трём критериям: правильность выявления сходства и различий двух героинь, а также с точки зрения творческого подхода к выполнению задания. В диаграмме 3.2.3 представлены результаты работы контрольной группы, в диаграмме 3.2.4 представлены результаты работы экспериментальной группы.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

В третьей главе исследования была представлена опытно-экспериментальная проверка проблемы исследования интертекстуальности, которая проводилась в аудитории Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека. Экспериментом были охвачены студенты третьего курса направления «Филология – русский язык и литература», группы № 314.

Эксперимент проходил в два этапа: констатирующий и обучающий. Результаты экспериментальной проверки отражены в таблицах и диаграммах третьей главы исследования.

Считаем возможным изучать произведения современных авторов с точки зрения использования интертекста, в том числе и произведения Л. Улицкой в более широком масштабе, включая те тексты, которые не предусмотрены учебной программой (к примеру, роман «Медея и её дети»).

В качестве методических рекомендаций предлагаем:

- Разрабатывать модель изучения современных литературных произведений с использованием «интертекстуальных вкраплений».
- Разрабатывать эффективные методы и приемы анализа текста с интертекстуальной основой.
- Применять технологию развития критического мышления через чтение и письмо и её стратегии на занятиях по литературе в ВОУ.
- Составлять глоссарий интертекстуальных понятий в рамках произведения, изучаемого по программе.
- Написание учебно-методических пособий, связанных с изучением произведений современной литературы с интертекстуальными вкраплениями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К наиболее актуальным и дискуссионным проблемам филологии рубежа XX-XXI века относится исследование понятия интертекстуальности. Формировалось оно первоначально в рамках литературоведения и семиотики в трудах М.М. Бахтина и Ю. Кристевой, а после постепенно стало предметом пристального внимания исследователей-литературоведов, подтверждением этому служат проанализированные в данном исследовании теоретические работы известных ученых XX века и современности.

Одной из главных особенностей интертекстуальности можно назвать то, что она размывает границы текста, в результате чего текст лишается законченности, закрытости. Таким образом любой текст можно считать пространством пересечения других текстов, а различные ассоциации и отсылки создают дополнительный смысл. Новые произведения авторы обогащают идеями из предыдущих текстов, эти идеи развиваются в новом тексте, где могут быть как приняты, так и опровергнуты. Интертекст подразумевает под собой взаимодействие исконной идеи и выработанной.

Интертекстуальный подход в современном литературоведении является своевременным, значимым и необходимым. Он расширяет привычные границы понимания литературного произведения, что дает новые возможности в интерпретации художественных и публицистических произведений.

Ярким примером использования интертекстуальности является роман В.С. Маканина «Андеграунд, или герой нашего времени». Произведение во многом представляет собой мозаику, составленную из элементов из известных романов М.Ю. Лермонтова и Ф.М. Достоевского, что и было проиллюстрировано на примере романа «Андеграунд, или Герой нашего времени», который содержит многочисленные аллюзии, цитаты, пародии, а также вариации на тему претекста, отсылающие читателя к классической литературе. Нами был сделан вывод о том, что поэтика интертекста у

Маканина носит кризисный характер, а отношение писателя к литературному творчеству классика, на наш взгляд, можно интерпретировать так: автор романа «Андеграунд, или герой нашего времени» квалифицирует интертекст как свободу. Через повествователя – Петровича – автор романа пытается развенчать ценностные ориентиры Достоевского и его героев. Интертекст, связанный с кризисным мировоззрением, провоцирует читателя на острую реакцию, именно такой реакции и ожидает автор.

Интертекстуальность в романе Людмилы Улицкой «Медея и ее дети» является средством создания образа главной героини на разных уровнях повествования. Реминисценции обнаруживаются в имени, описании внешности, повествовании о характере и поведении Медеи Мендес. Аллюзии же проявляются в сопоставлении героини с античной богиней, обнаружении в ней чудесных способностей, мифологического мышления и восприятие Медеи своим родственниками как «чудесного помощника».

Нами был сделан вывод о том, что обращение Л. Улицкой к мифу и использование интертекстуальных связей с античными сказаниями при создании образа Медеи помогают автору размышлять на страницах своего романа о вечных человеческих ценностях.

Интертекстуальность как способ написания художественного произведения занимает важное место и в творчестве знаменитого писателя Б. Акунина. С её помощью создаются и образы героев (Лиза и Эраст в романе «Азазель», герои драмы «Чайка»), художественная деталь произведения (символика желтого цвета, обращение к теории Раскольникова Достоевского, символы карт Пушкина), колорит эпохи и многое другое.

Каждое из исследуемых в работе произведений интертекстуально и рассчитано на подготовленного читателя, способного понять отсылки авторов к классическим произведениям, согласие или опровержение «незыблемых» законов, иронию авторов. Соответственно подвергается

изменениям и привычная роль читателя, который, читая произведение уже не чувствует себя лишь реципиентом, то есть «по ту сторону» литературного процесса, а начинает осознавать свою «сопричастность» и «посвященность». Именно благодаря пониманию интертекстуальности произведения читателем оно способно трансформироваться в многомерное, объемное художественное пространство, связывающее несколько эпох. Именно поэтому изучение интертекстуальности является важной составляющей современного литературного процесса.

Для практического подтверждения приобретенных данных была проведена опытно-экспериментальная работа, в ходе которой осуществлялась проверка проблемы изучения понятий «интертекст» и «интертекстуальность» на занятиях по современному литературному процессу в высших образовательных учреждениях с использованием технологии критического мышления через чтение и письмо на базе Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека.

Её результаты состоят в следующем:

1. Процесс изучения современной литературы в высших учебных заведениях необходимо организовать таким образом, чтобы наряду с формированием знаний, умений и навыков происходило развитие критического мышления обучаемых. Это способствует качественному усвоению учебного материала.

2. Разработанная и реализованная модель обучения, способствующая формированию критического мышления студентов, позволяет улучшить качество знаний и повысить мотивации студентов.

3. Результаты занятия с применением технологии критического мышления демонстрируют тот факт, что использованные приемы способствуют повышению познавательной активности студентов.

Полученные результаты теоретического и экспериментального исследования позволяют считать, что цель работы достигнута, поставленные задачи реализованы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативные документы Республики Узбекистан

1. Закон Республики Узбекистан «Об образовании» №464-I от 29.08.1997. – Ташкент, 1997.
2. Национальная программа по подготовке кадров. – Ташкент, 1997.

II. Труды Президента Республики Узбекистан

3. Мирзиёев Ш.М. Вступление на встрече, посвященной 25-летию образования Республиканского интернационального культурного центра. [Электронный ресурс]. URL: <http://idum.uz/ru/archives/114174>.

III. Основная литература

4. Авдеева Г.А. Выразительные средства русского языка: тропы и фигуры: учебно-методическое пособие. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2013. – 72 с.
5. Аксенова Н.С. Интертекстуальность в литературоведении и лингвистике: проблема выбора подхода // Электронный журнал "Вестник МГОУ" – 2013 №1 [Электронный ресурс]. URL: <http://evestnik-mgou.ru/Articles/Doc/271>
6. Акунин Б. Азазель. – М.: Захаров, 2002. – 243 с.
7. Акунин Б. Чайка / Б. Акунин [Текст] // Новый мир. 2000. №4. – 107 с.
8. Арнольд И.В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика Интертекстуальные связи в художественном тексте. Межвузовский сборник научных трудов. – Санкт-Петербург, 1993. – 474 с.
9. Баженова Е.А. Интертекстуальность // Стилистический словарь русского языка. М., 2003. – С. 104–108

10. Бахтин М.М. Литературно – критические статьи. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/author/bahtin-mihail-mihajlovich/literaturno-kriticheskie-stati-download-free-232748.html>
11. Бахтин М.М. Проблемы содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/bahtin/probl_sod.php
12. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1998. – 616 с.
13. Белоглазова Е.В. Полидискурсивность как особый исследовательский фокус. [Электронный ресурс]. URL: http://elibrary.finec.ru/materials_files/izv/IzvSPbUEF2009_3_c66_71_s.pdf
14. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика и культура. – М.: Прогресс, 1991. – 387 с.
15. Бобылев Д.В. Лекция по теме «Интертекстуальность». [Электронный ресурс]. URL: <https://infourok.ru/material.html?mid=87516>
16. Боднар М.П. Текст и интертекст. // «Личность-слово-социум» – 2006. Языковые антиномии и парадоксы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pws-conf.ru/nauchnaya/lss-2006/374-yazykovye-antinomii-i-paradoksy/8227-tekst-i-intertekst.html>
17. Васильева О.Н. Роман В.С. Маканина «Андеграунд или герой нашего времени» в диалоге с творчеством Ф.М. Достоевского (к проблеме интертекстуальности). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-v-s-makanina-andegraund-ili-geroy-nashego-vremeni-v-dialoge-s-tvorchestvom-f-m-dostoevskogo-k-probleme-intertekstualnosti>
18. Высочина Ю.Л. Интертекст как языковая игра постмодернизма (на примере произведений Т. Толстой, Б. Акунина, В. Пелевина). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekst>

kak-yazykovaya-igra-postmodernizma-na-primere-proizvedeniy-t-tolstoy-b-akunina-v-pelevina

19. Гаспаров Б.М. Память. Образ. – М., 1996. – 164 с.
20. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/1199/index.html>
21. Достоевский Ф.М. Идиот. – М., 1997. – 660 с.
22. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: роман в шести частях с эпилогом. – М.: Эксмо, 2011. – 603 с.
23. Дронова Е.М. Интертекстуальность и аллюзия: проблема соотношения. – Язык, коммуникация и социальная среда. // Вып.3. Воронеж: ВГУ, 2004. – 107 с.
24. Загашев И.О., Заир – Бек С.И. Критическое мышление: технология развития: Пособие для учителя – СПб; Альянс “Дельта”, 2003.
25. Застела К.С. Интертекстуальность как составляющая художественного текста // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. №110 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnost-kak-sostavlyayuschaya-hudozhestvennogo-teksta>
26. Золотницкий Н.Ф. Цветы в легендах и преданиях. – Киев, 1994. – 263 с.
27. Иванова И.П. К проблеме интертекстуальности в современной лингвистике. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-intertekstualnosti-v-sovremennoy-lingvistike>
28. Илунина А.А. Теоретические аспекты проблемы интертекстуальности в современном литературоведении. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-problemy-intertekstualnosti-v-sovremennom-literaturovedenii>

29. Ильин И.П. Интертекстуальность // Современное зарубежное литературоведение: Энциклопедический справочник. – М.: Интрада, 1996. – С.217.
30. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. — М., 1998. – 387 с.
31. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. — М., 1996. – 294 с.
32. Ильин И.П. Стилистика интертекстуальности: теоретические аспекты // Проблемы современной стилистики: Сборник научно-аналитических трудов. – М.: Наука, 1996.
33. Интертекстуальность в художественных текстах и особенности ее реализации. – [Электронный ресурс]. URL: <https://bibliofond.ru/view.aspx?id=667219>
34. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: изд-во МГУ, 1987. – С. 24.
35. Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? // НЛО, 1997. - №28. – 270 с.
36. Красильникова Е.П. Жанровый аспект интертекстуальных связей пьес Б. Акунина и А.П. Чехова «Чайка». [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovyy-aspekt-intertekstualnyh-svyazey-pies-b-akunina-i-a-p-chehova-chayka>
37. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман (1967). [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.ru/literature1/kristeva-00.htm#1>
38. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессе эволюции поэтического языка. – М., 1999. – 230 с.
39. Курицын В.Н. Русский литературный постмодернизм. – «ОГИ»: 2000. – 189 с.
40. Козырь Е.А. Характеристика приемов технологии РКМЧП. //газ. “Русский язык”, 2009, №7.

41. Липовецкий М. Паралогия русского постмодернизма. // НЛО, 1998. – №2. – 304 с.
42. Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. / Ю.М. Лотман. – Таллин: Александра. – 1992.
43. Лучинская Е.Н. Интертекстуальность в общественно-политическом журнале [Электронный ресурс]. URL: http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2013.1/2379/luchinskaya2013_1.pdf
44. Магдиева С.С., Матенова Ю.У. Методика и технология обучения литературе. – Ташкент, 2018. – 147 с.
45. Маканин В.С. Андеграунд, или Герой нашего времени. – М.: Эксмо, 2010. – 736 с.
46. Маканин В.С. Самое интересное – играть черными. [Электронный ресурс] // Телеканал «Культура» [Сайт]. URL: <http://www.tvkultura.ru/news.html?id=142174>
47. Маканин В.С. «Я не убивал их...»: Интервью В. С. Маканина // Российская газета. 2008. 5–10 июня. – С. 26.
48. Макарова В.В. Комедия Б. Акунина «Чайка» в контексте историко-функционального изучения. // ВБГУ. – 2011. – № 10. – С. 171.
49. Насрутдинова Л.Х. Функции цитат и культурологических ассоциаций в прозе «нового реализма» – доклад на международной научной конференции «Языковая семантика и образ мира». // Казань: 1997. – 348 стр.
50. Осадченко Ю.С., Дмитриева Л.В. Введение в философию мифа. – М.: 1994. – С. 13.
51. Петрова Н.В., Лашина Е.Б. Экскурс в теорию интертекстуальности. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekskurs-v-istoriyu-teorii-intertekstualnosti>
52. Пиаже Ж. Моральное суждение у ребенка. – М.; АК, 2006. – 389 с.

53. Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/rudnev_vadim/slovar_kulturi_XX_veka.html
54. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии – М.: Народное образование, 1998. – 400 с.
55. Сергеева Ю.А. Феномен диалога в романе Л. Улицкой «Медея и ее дети» // Русский язык. – С. 138.
56. Сидоренко К.П. Интертекстовые связи Пушкинского слова. — СПб., 1999. – 264 с.
57. Скокова Т.А. Интертекстуальность как способ создания образа главной героини в романе Л. Улицкой «Медея и её дети». [Электронный ресурс.] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnost-kak-sposob-sozdaniya-obraza-glavnoy-geroini-v-romane-l-ulitskoy-medeya-i-ee-deti>
58. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: учебное пособие. – Москва: Флинта: Наука, 1999. – 295 с.
59. Смирнов И.П. Бытие и творчество. – Marburg, 1990. – 200 с.
60. Смирнов И.П. Порождение интертекста (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака), 2-е изд. СПб., 1997. – 268 с.
61. Современное зарубежное литературоведение. Страны Западной Европы и США. Концепции, школы, термины. – М., 1996. – 346 с.
62. Солодуб Ю.П. Интертекстуальность как лингвистическая проблема // Филологические науки. – М.: 2000. - №2.
63. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Перевод под ред. А.А. Холодовича. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/ekskurs-v-istoriyu-teorii-intertekstualnosti>
64. Степанов Ю.С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект»: (к основаниям сравнительной концептологии) // Известия АН. Сер. Литературы и языка. – 2001. – Т.60, №1. – С. 3-11.

65. Степанов Ю.С. Интертекст и некоторые современные расширения лингвистики Языкознание: взгляд в будущее под общ. ред. проф. Г. И. Берест-нева. – Калининград, 2002. – 298 с.
66. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М., 2003. – 500 с.
67. Тименчик Р.Д. и др. Итертекстуальность. – [Электронный ресурс]. URL: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/81a2bdf0-dab0-e177-4fe3-e587d3d6d70c/1007707A.htm> Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М., 1996. – С. 79.
68. Трускова Е.А. Гипертекст в эстетике современной русской литературы (на примере произведений Б. Акунина). // Вестник ЧГПУ. – Челябинск, 2010. – № 5. – 310 с.
69. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/ekskurs-v-istoriyu-teorii-intertekstualnosti>
70. Улицкая Л. Медя и ее дети. – М.: 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bookline.ru/book2390665.htm>
71. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. — М., 2000. – 270 с.
72. Фатеева Н.А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Известия АН. Сер. Литературы и языка. - 1997. –Т.56, №5. – С.12-21.
73. Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия АН. Серия литературы и языка, 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1998/05/985-025.htm>
74. Хализев В.Е. Теория литературы. [Электронный ресурс]. URL: <https://lit.wikireading.ru/43769>

75. Чернявская В.Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // Вопр. когнитив. лингвистики. – М: 2004. № 1. – С. 106–115.
76. Шилина К.О. Поэтика романа В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени». [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/poetika-romana-v-makanina-andegraund-ili-geroy-nashego-vremeni>
77. Эпштейн М. Парадоксы новизны. – Москва: 1988. – 235 с.
78. Эко У. Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна. Философия эпохи постмодерна. – Мн., 1996. – 380 с.
79. Ямпольский М.Б. Память Тиресия: Интертекстуальность и кинематограф. – М.: Культура, 1993. – С. 3.
80. Яценко И.И. Интертекст как средство интерпретации художественного текста (на материале рассказа В. Пелевина «Ника») // Мир русского слова, № 1, 2001. – 267 с.

Приложения

Приложение 1. Теоретическая справка о технологии развития критического мышления через чтение и письмо

Приложение 2. Технологическая карта практического занятия по литературе

Заключение

о магистерской диссертации на соискание академической степени
магистра по специальности 5A111301 – Русский язык и литература

Зиганшиной Алины на тему:

**«Интертекст как форма творческого переосмысления классики в
современной русской литературе»**

Ещё в Древнем Риме копирование и переработка литературных шедевров была вполне нормальной практикой. К примеру, Вергилий написал строчку «Судьба помогает храбрым», зная и совершенно не чураясь того, что ранее её уже использовал известный поэт Теренций. Очень часто в произведениях Горация, Овидия и Цицерона мы обнаруживаем вставки из текстов довольно известных греческих и римских авторов.

В Средневековье, эпоху Возрождения и позже античные тексты, и сюжеты почти нетронутыми перекочевывали в произведения новоявленных авторов. Ведь никому и в голову не приходило ругать Шекспира за то, что он позаимствовал описание Клеопатры у Плутарха, не ссылаясь на последнего. Главное, что сделал он это великолепно. Скажем более, переложения чужих сюжетов давали толчок национальным литературам, в том числе русской, — вспомним хотя бы, как многим мы обязаны Томасу Грею и Готфриду Бюргеру, чьи тексты на русский язык переложил Жуковский.

Великий Эмиль Золя пошел дальше. Он посчитал, что невероятно приятный момент при чтении — это узнавание скрытой, неочевидной отсылки к другому тексту, с которым ты, по счастью, знаком. говоря о плагиате, заявлял следующее: «Все мои романы написаны этим методом; я окружаю себя библиотекой, горой заметок, прежде чем взяться за перо.

Ищите плагиат в моих предшествующих работах, и вы сделаете великолепные открытия»¹.

Но вот наступает XX век, французская аспирантка, болгарского происхождения Юлия Кристева вводит в мировой научный оборот термин «интертекстуальность», доказывая историческую непрерывность диалогического взаимодействия текстов. Исследовательница доказала, что интертекстуальность в равной мере реализуется как в научных, так и в художественных текстах. Правда, чуточку раньше об этом вроде бы сказал М.М. Бахтин. Но советское литературоведение было не в восторге от этого, опального тогда литературоведа, а потому его открытие не получило всемирного признания.

Конец XX — начало XXI века стал периодом довольно существенного переосмысления понятия «плагиат» как явления. Текстов стало производиться так много, источники стали повсеместно доступны — и пользоваться ими, заимствовать их особенно у классиков можно было даже без должной ловкости.

Таково писательское ремесло: чужие книги, чужие идеи, чужие жизни — всё служит топливом для автора. И пусть это обидит коллег или близких, читатель наверняка всё простит. Если, конечно, книжка получилась хорошая. Вот именно этим проблемам и посвящено диссертационное исследование Алины Зиганшиной «Интертекст как форма творческого переосмысления классики в современной русской литературе».

Новизна данной магистерской диссертации заключается в том, что диссертантом сделана попытка проследить некую трансформацию классических текстов в произведениях современных авторов, показав не только деформированную форму, но и концептуальное преобразование смысловой доминанты предыдущего текста, заимствованной фразы, мысли,

---

¹Жутко громко и запрительно тихо. Адрес ресурса: <http://nekrasovka.ru/articles/books/plagiarism>

идеи. Временами, на мой взгляд, такая попытка соискательнице в той или иной мере удаётся.

В работе выделены следующие параметры научного исследования: актуальность, новизна, цель, научные задачи, предмет и объект исследования, методологическая и теоретическая база исследования, апробация результатов исследования. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к работам подобного рода.

Магистерская диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, глоссария и приложений.

В первой главе исследования рассматривается понятие интертекстуальности, процесс его становления, основные приемы интертекстуальности, а также труды ученых, занимавшихся раньше и продолжающих заниматься сейчас изучением данной проблемы в мире, России и Узбекистане.

Вторая глава посвящена анализу романов «Андеграунд, или герой нашего времени» В. Маканина, «Медя и её дети» Л. Улицкой, произведениям Б. Акунина (Г. Чхартишвили) с целью выявления в них интертекстуальных включений, их форм и типов, а также осмыслению целей обращения этих писателей к классической литературе.

В рамках третьей главы представлена разработка учебного занятия в ВОУ с использованием технологии развития критического мышления через чтение и письмо, а также проведена опытно-экспериментальная проверка проблемы изучения интертекстуальности с использованием данной технологии.

В заключении подведены общие итоги исследования.

Структура магистерской диссертации, ее форма и содержание соответствуют требованиям, предъявляемым к работам подобного типа, Положением о магистратуре, утвержденным КМ Республики Узбекистан от 2 марта 2015 г.

В целом диссертационное исследование Алины Зиганшиной вполне закончено и отвечает требованиям Государственного стандарта и типовыми программами по специальности и может быть допущена к публичной защите.

**Научный руководитель
профессор кафедры русской литературы
и методики преподавания
ТГПУ имени Низами**

Н.М. Миркурбанов

Рецензия

на диссертацию Зиганшиной А.С.
**«Интертекст как форма творческого переосмысления классики в
современной русской литературе» на соискание
академической степени магистра
(специальность 5А111301 – Родной язык и литература (русский язык и
литература))**

Представленная на рецензирование магистерская диссертация Зиганшиной А.С. посвящена теме, представляющей на сегодняшний день большой научный интерес в области изучения теории литературы и современного литературного процесса. В работе рассматриваются теоретические и практические аспекты интертекстуальности. На конкретном примере проанализированы интертекстуальные включения в произведениях современных авторов русской литературы.

Диссертация, состоящая из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения, отражает ход исследовательской работы.

Во введении определены параметры исследования: указана актуальность работы, степень изученности проблемы, объект и предмет исследования, цель, задачи, новизна, представлена практическая значимость исследования.

Актуальность темы исследования определена тем, что интертекстуальность считается знаковым явлением современной литературы, а данным подход к анализу произведений является необходимым.

В первой главе исследования диссертант раскрывает основные теоретические понятия, связанные с терминами «интертекст» и «интертекстуальность», а также рассматривает степень изученности данной проблемы и мнения исследователей, касающихся рассматриваемой проблемы. Понятие интертекстуальности в данной главе раскрыто достаточно ёмко, приведены литературные примеры.

Во второй главе сделана попытка подробного анализа романов современных авторов с использованием интертекстуального подхода. Диссертант приходит к выводу о том, что использование интертекста авторами носит определенные цели: создание колорита эпохи, полемика с классиками русской литературы, ирония и тд. Проведен сравнительно-сопоставительный анализ романа «Андеграунд, или герой нашего времени» В.С. Маканина, «Медея и её дети» Л. Улицкой, произведений Б. Акунина («Азazelь», «Внеклассное чтение», «Чайка»).

В третьей главе приведена разработка учебного занятия в высшем образовательном учреждении с использованием технологии развития критического мышления через чтение и письмо, посвящённая изучаемой в исследовании проблеме, а также результаты апробации.

В целом представленная работа может считаться законченным и самостоятельным исследованием, соответствующим требованиям, предъявляемым работам подобного рода.

Диссертационное исследование по теме: «Интертекст как форма творческого переосмысления классики в современной русской литературе» рекомендовано к публичной защите.

Рецензент:
Заведующая кафедрой мировой литературы
НУУз имени М. Улугбека
Д.ф.н., доцент

Камилова С.Э.

Рецензия

**на диссертацию Зиганшиной А.С.
«Интертекст как форма творческого переосмысления классики в
современной русской литературе» на соискание
академической степени магистра
(специальность 5А111301 – Родной язык и литература (русский язык и
литература))**

Магистерская диссертация Зиганшиной А.С. посвящена актуальной на тему и представляет на сегодняшний день научный интерес в области литературоведения. В данном исследовании диссертантом сделана попытка обобщения и систематизации теоретических знаний, касающихся понятий «интертекст» и «интертекстуальность», а также анализа произведений с применением интертекстуального подхода.

Основные параметры исследования определяются во введении. Указаны актуальность работы, степень изученности проблемы, объект и предмет исследования, цель, задачи, новизна, представлена практическая значимость исследования, а также сформулирована гипотеза исследования.

В первой главе исследования диссертант раскрывает основные теоретические понятия и проводит системный анализ теоретических работ по данной проблеме. В ходе исследования становится ясно, что понятие интертекста широко применяется в современном литературоведении, однако однозначного взгляда на данную проблему у исследователей нет. Каждый ученый, затрагивающий в своих работах тему интертекстуальности даёт ей собственное толкование, которое отражает его субъективное видение проблемы. Кроме того, в последнем параграфе третьей главы исследованы так называемые интертекстуальные приёмы, среди которых выделяются цитаты, аллюзии и реминисценции.

Во второй главе была сделана попытка анализа романов современных авторов с использованием интертекстуального подхода. Проведен сравнительно-сопоставительный анализ романа «Андеграунд, или герой

нашего времени» В.С. Маканина, «Медея и её дети» Л. Улицкой, произведений Б. Акунина («Азазель», «Внеклассное чтение», «Чайка»). Примечательно, что диссертант приводит множество примеров из текстов авторов, что является признаком осведомленности и начитанности в области исследования данной проблемы.

В третьей главе приводится разработка учебного занятия в высшем образовательном учреждении с применением актуальной педагогической технологии современности – технологии развития критического мышления через чтение и письмо. Данная технология обладает большими преимуществами, которые были раскрыты диссертантом в приложении к диссертации. Применены такие приёмы, как «ЗХУ», «Диаграмма Венна», «Тонкие и толстые вопросы». Из приведенных результатов апробации становится понятно, что поставленные цели учебного занятия были осуществлены.

В целом представленная работа может считаться законченным и самостоятельным исследованием, соответствующим требованиям, предъявляемым работам подобного рода.

Диссертационную работу можно рекомендовать к публичной защите.

Рецензент:
к.ф.н., доцент кафедры русской
литературы и методики преподавания
ТГПУ имени Низами

